Многие имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и историческими личностями случайны. Это художественный текст, не имеющий целью оскорбить чьи-либо чувства и не претендующий на историческую достоверность. Роман не предназначен для чтения несовершеннолетними.

Плейлист

The Mamas And Papas — *California Dreamin'*
London After Midnight — *Your Best Nightmare*
Siouxsie And The Banshees — *The Sweetest Chill*
The Cure — *The Kiss*
Clan Of Xymox — *Courageous*
Sweet Ermengarde — *Kisses*
Christine Plays Viola — *Apocryphal Supremacy*
AC/DC — *Highway To Hell*
Depeche Mode — *Behind The Wheel*
Scott McKenzie — *San Francisco*
Aeon Sable — *Dead End*
Aeon Sable — *New Breed*
Depeche Mode — *The Love Thieves*
The Last Cry — *Falling Away*
Born For Bliss — *If Someone*
Siouxsie And The Banshees — *Lands End*
Lacrimosa — *Die Strasse Der Zeit*
Fading Colours — *Eveline*
Clan Of Xymox — *Love Got Lost*
The Hearse — *Depression*
Mephisto Walz — *Dear Familiar Phantoms*
Aeon Sable — *Procession*
Esben And The Witch — *Smashed To Pieces*
In The Still Of The Night
Born For Bliss — *All Away*
Das Moon — *Das Model*
Aeon Sable — *Elysion*

Пролог
Опрокинутое небо

Лос-Анджелес дышал привычным зноем в золотом мареве незаходящего солнца. Календари отмечали наступление осени, однако на улицах еще буйствовало лето, негасимая жара. Город словно превратился в пляж: привкус соли и песка в воздухе, ленивый бриз с побережья и тихий шелест пальм — все это слилось в едином дыхании. Воистину Город ангелов — соблазнительный благоустроенный ад.

Эдгар появился на этом празднике жизни, одетый во все черное, будто был в трауре. Он надеялся отыскать свою кровинку, пленить будущую добычу, предназначенную ему судьбой. И медленно шел по дорожкам луна-парка, лавируя в толпе детей. Можно было без церемоний явиться за Лаурой прямо в дом Элеоноры, но ему хотелось самому выследить ее и узнать среди других детей. И Эдгар терпеливо бродил по аллеям, ища в маленьких лицах свое отражение или хоть какое-то подобие, но все они развеивались в дым перед его глазами. В отпрысках современных американцев он видел что-то особенно раздражающее и дерзкое. Эти своевольные дети, жующие жвачку, ежеминутно взлетали в небеса и стремительно падали вниз. Для них полеты были обыденным делом, они давно позабыли все страхи и визжали просто так, для забавы. Даже сверхъестественное, знакомое с детства по кинофильмам, превратилось в сказку, в которую никто не верит. И где-то здесь, на самом краю Американского континента, в удушливой атмосфере неверия и презрения рос его нежный цветочек, уходящий корнями в глубину веков.

Наконец Эдгар почуял свою кровь, скользкий след которой тянулся за ним сквозь вечность. Он услышал ее движение,

однако она призывала его разноголосым шепотом, будто поток разделился на два ответвления, которые отличались друг от друга насыщенностью, как кровь венозная и артериальная. Эдгар сразу разгадал природу этой двойственности: перед ним предстали две девочки, в одной из которых он узнал старшую дочь Элеоноры по имени Джемайма.

Джемми окружила младшую сестру заботой. По той электризующей энергии, с какой она одергивала платье сестренки и расправляла бант у нее в волосах, Эдгар определил источник жизни Джемаймы. Она была на три года старше Лауры и старалась вести себя с сестрой по-матерински. Джемми нуждалась в том, чтобы излить избыточную жизненную силу на более слабое существо, а маленькая Лаура принимала правила этой игры в дочки-матери. Эдгар следил за девочками из тени, но в его мыслях не было места спокойствию и отчуждению.

Наконец вертлявая Джемайма куда-то делась, бросив сестренку на произвол судьбы. Эдгара легким мотыльком коснулся ее смешок: «Спорим, я вернусь с мороженым раньше папы!» Серебристый колокольчик в собственном смехе призывал Джемайму к действию. Слишком неугомонная, она не могла подолгу находиться на одном месте. Видимо, таков был ее жизненный удел: лететь за придуманной, зачастую призрачной целью навстречу своей смерти.

Как только Эдгар упустил из виду блуждающий огонек Джемаймы, он вмиг прозрел. Увидел во плоти свою несбыточную мечту, чудом воскресшую и очеловеченную. Она предстала в лучезарном ореоле, созданном его воображением, хоть и пряталась в облике маленькой девочки. Как нарочно, в этот день Элеонора вздумала нарядить ее в белое платье, кружевное и пышное, похожее на старомодное. И Лаура до неправдоподобия напоминала его дочь Магду в детстве: такие же струящиеся светлые волосы и ясные голубые глаза. Взгляд девочки, устремленный ввысь, роднил ее с Магдалиной и в то же время разлучал: в нем было нечто новое, свое. Такого чистого отражения неба в глазах, такой головокружительной лазури Эдгар еще не встречал в своем роду. Его собственные глаза были непроницаемы подобно ночному туману, и лишь изредка в них проглядывал лунный луч. Глаза же дочери Магда-

лины, эти тающие льдинки, всегда полнились тоской, сначала смутной и сладостной, а со временем испепеляющей, и видели небо лишь как тень на снегу. Только Лаура, девочка четырех с половиной лет, воспринимала небо во всей его беспредельности, ничуть не задумываясь о том, что кроется в глубине манящей синевы. Это дитя смотрело на самоуверенных сверстников с подавленной завистью — ее тоже притягивали небеса, однако, в отличие от Магды, Лаура не искала там необозримых далей. Она просто мечтала взлететь, но была прикована к земле истинно человеческим страхом высоты.

Лаура стояла на островке врожденного одиночества, затерянная в толпе и неразгаданная. Ее белые носки с помпонами сползли на запыленные туфельки. Эдгар не верил в реинкарнацию, но его родительский инстинкт признал в этой неприкаянной девочке родственную душу, слабый отголосок его собственной души, заблудившейся в веках. Однако, прежде чем избрать маленькую Лауру наследницей своей вечности, он решил испытать силу ее духа.

У Эдгара уже не оставалось терпения таиться в тени, и он шагнул в ее безоблачную жизнь, прямо на открытый солнечный свет. Он поднял девочку на руки и пытливо вглядывался, как будто надеясь вызвать призрак в ее глазах.

— Привет, — сказал Эдгар на прекрасном английском с мягким славянским акцентом. — Как тебя зовут?

— Лолли, — простодушно ответила девочка.

К несказанному ликованию Эдгара, она ничуть не испугалась. Лаура лишь слегка поерзала у него на руках, устраиваясь поудобнее, и немного отстранилась, чтобы рассмотреть незнакомца. Она уловила лишь разрозненные черты, которые сливались в нечто ослепительное, подобно солнцу, на которое нельзя глядеть без боли. Лаура залюбовалась золотистым локоном над его правым виском и не заметила ни траурного наряда Эдгара, ни мрака в омуте его глаз.

А Эдгар с любопытством разглядывал Лауру: мелкие неопределенные черты, вздернутый носик почти без переносицы, как у всех детей, светлые брови и круглые глаза, уголки которых уже начали удлиняться. Лицом она, пожалуй, напоминала Элеонору, а та Эдгару никогда не нравилась, хоть и считалась

красавицей. Однако разительное сходство девочки с матерью не отпугивало его. Лаура была всего лишь чистым листом бумаги, белым воском, из которого Эдгар мог вылепить свое безукоризненное подобие.

— Послушай, Лаура, — предложил он, — хочешь пойти со мной? Мы улетим далеко-далеко, где тебя никто не найдет. Ты увидишь высокие замки, глубокие озера, снег и облака под твоими ножками...

Девочка призадумалась, стараясь представить себе снег — каков он на ощупь и на вкус, а затем отрицательно покачала головой.

— Нет, — ответила она, глядя куда-то мимо него, и Эдгар словно увидел ее глазами уютную детскую, где рядом стоят две кроватки. — Если я уеду, Джемми будет плакать.

Эдгар улыбнулся ее рассудительности, но на его безупречном лбу нарисовался намек на вертикальную складку.

— Хорошо, — произнес он, — а если мы и Джемми возьмем с собой?

— Тогда расстроится папа, — поразмыслив, ответила Лаура, открывая Эдгару тайны взаимоотношений в ее семье и вновь вызывая восхищение. Эта малышка понимала в жизни гораздо больше, чем он себе представлял.

Внезапно в тонкую паутину, которую он ткал, ворвалась Джемайма — она вихрем вылетела из-за поворота, но совсем не запыхалась, даже волосы и чулочки были в полном порядке. В руке Джемми сжимала палочку с сахарной ватой. Это лакомство было больше ее головы с кудряшками и бантом и приторно-розовым цветом напоминало ее румяные щечки. Увидев сестренку на руках у высокого незнакомца, Джемайма опешила, и беззаботный смех смолк у нее на губах. Она оглядела Эдгара снизу вверх карими глазами — пристально, подозрительно и, пожалуй, презрительно. Эта малютка смертельно невзлюбила его не только потому, что наслушалась страшных историй. Кровные узы, связующие Эдгара и Джемми, обернулись враждой с того мига, когда встретились их взгляды. Мужчина и девочка немедленно раскусили друг друга и вступили в схватку за маленькую душу Лауры.

— Лолли, кто это? — спросила Джемайма таким преуве-

личенно строгим тоном, какой мог бы показаться комичным в устах семилетней девочки, если бы не ее вызывающий взгляд.

Лаура не знала ответа на этот вопрос и предпочла промолчать.

— Ах, это же наша маленькая мама, — проговорил Эдгар, обращаясь к Лауре.

Увидев такое взаимопонимание, Джемайма вспыхнула, позабыв о вежливости, привитой с детства.

— Отпустите мою сестренку, мистер, а не то я скажу папе. — Она растерянно поискала взглядом отца, но Филипп Уэйн ушел за мороженым по велению любимой жены. — А ты, Лолли, скорее спускайся, я дам тебе конфетку.

— Придумай что-нибудь получше, малышка, — ухмыльнулся Эдгар, которого весьма забавляло это смехотворное противостояние с семилетней девочкой.

Джемайма несказанно оскорбилась: ее никто и никогда не называл малышкой. Она считала себя совсем взрослой и ответственной за несмышленую сестру. Девочка топнула ножкой и убежала, поминутно оглядываясь на мужчину с Лаурой на руках из опасения, что они бесследно исчезнут. Эдгар машинально проводил ее взглядом, и Джемми неожиданно привела его к матери девочек Элеоноре. Та сидела в некотором отдалении, и он удивился, почему не замечал ее раньше, быть может, потому, что сама Элеонора не подозревала о его присутствии. Они словно разминулись в пространстве, и Лаура, их творение, единственная связь между ними, теперь разобщала их.

Элеонора гордо восседала на скамейке под деревом — добропорядочная мать, приведшая на прогулку умильных отпрысков. Она по-прежнему выглядела молодо, но при беглом взгляде на нее Эдгар ощутил дыхание осени и уловил режущие контрасты, проступающие сквозь глянцевый блеск искусственной красоты. Элеонора предусмотрительно нарядилась в платье розового цвета, которое освежало ее бледное лицо призрачным румянцем. Свежеокрашенные волосы вбирали в себя все оттенки золотой осени, и солнце играло в их переливах, высвечивая зачатки темных корней, отрастающих медленно и как будто нехотя. На коленях лежал модный журнал — видимо, его оставил там заботливый муж, потому что утом-

ленный взгляд Элеоноры бесцельно скользил поверх страниц, устремляясь куда-то в глубь ее темного сознания. Холодные негнущиеся пальцы медлили перевернуть страницу, как если бы им не хватало притока крови.

Эдгару претила ее мучнистая кожа с бледными веснушками, аккуратно подпиленные ногти, обручальное кольцо на окоченевшей руке — весь этот бессмысленный маскарад. Иногда он думал, что ему следовало позволить Элеоноре умереть в ночь рождения Лауры, с тем самым скальпелем под сердцем, который направила ее собственная рука, презрев страх. Кровь, данная Эдгаром, застыла в ней, как в неживой статуе, но одного усилия его воли хватило бы, чтобы заставить двигаться поток крови, а вместе с ним и Элеонору. Эдгар мог внушить ей покой или томление, даже вынудить убивать. Однако мысли женщины были ему неподвластны, поэтому Эдгар не мог отказать себе в удовольствии проникнуть в потемки ее души и побеседовать о судьбе Лауры. Он бережно поставил девочку на землю, взял за маленькую ручку и неторопливо повел по направлению к Элеоноре.

В это время к матери подскочила Джемайма и возбужденно зашептала, настойчиво дергая ее за рукав:

— Мама, нашу Лолли похитил какой-то мужчина! Надо его остановить, пока он не забрал сестру!

— Ну что ты выдумываешь, Джемайма, — равнодушно отозвалась Элеонора, не поднимая глаз, и брезгливо отстранила дочь — она опасалась, что девочка липкими пальцами испачкает ее светлое платье.

Джемми, отчаявшись найти помощь у безвольной матери, бросилась на поиски отца.

Наконец Элеонора соизволила оторваться от бесполезного журнала, подняла тяжелые веки и рассеянно огляделась. Она заметила младшую дочь, идущую за руку с тем, кто издали показался Элеоноре сумрачной тенью среди солнечного света. Но как ни странно, она не разглядела в Эдгаре вестника из другого мира и не признала в его темном силуэте угрожающий образ из своей прошлой жизни. Элеонора наблюдала за их приближением, тщетно напрягая зрение, и ее прищуренные глаза, почти черные на солнце, напоминали пустые глаз-

ницы черепа. Она постепенно различала черты лица Эдгара, мягкое атласное мерцание его черной рубашки, изящную походку, длинные золотистые волосы, напоминающие ее собственную шевелюру. Однако локоны ее предка отличались изменчивым сиянием пламени, в то время как крашеные волосы Элеоноры отражали лишь жалкую подсознательную попытку вернуться к истокам.

Эдгар с Лаурой подошли уже вплотную к скамейке, а Элеонора все еще смотрела на мужчину с недоумением, и тогда стало понятно, что она не узнает его. Зыбкая память скрыла воспоминания об их дьявольской сделке, о риске, которому они оба подверглись в тот момент, когда растерянно балансировали между смертью и вечностью, о кровавой бездне, из которой Эдгар извлек гибнущую Элеонору, потребовав взамен ее нерожденное дитя. Что ж, он намеревался напомнить ей о себе и о том, что она должна ему.

— Добрый день, Алиса-Элеонора, — приветствовал Эдгар с издевательской любезностью, назло называя полным именем, — ты прекрасно выглядишь.

Она не хотела узнавать его, но ее глаза по капле заливала тревога, и червь сомнения начал тихонько копошиться в сердце.

— Я не знаю вас, мистер, — проронили холодные губы.

Элеонора опустила взгляд и увидела маленькую Лауру, которая стояла подле Эдгара, доверчиво цепляясь за руку и глядя на него снизу вверх. Тогда в матери вспыхнули искры ярости, и она решила выместить раздражение на дочери, перехватить ее у Эдгара и продемонстрировать свою ничтожную власть. Она резко притянула девочку к себе и с остервенением отшлепала.

— Я кому велела не разговаривать с чужими! — воскликнула Элеонора, отталкивая Лауру, но не с ленивой мягкостью, как Джемайму, а словно стараясь отшвырнуть как можно дальше от себя. — Посмотри, на кого ты похожа, настоящее пугало! Беги, поищи сестру, пусть она тебя причешет!

Лаура повиновалась и убежала, скрывая слезы, выступившие у нее на глазах от боли и незаслуженной обиды.

Эдгар с сожалением проводил ее взглядом и обернулся к Элеоноре.

— Я бы советовал тебе поласковее обращаться с ребенком.

— Вы собираетесь учить меня воспитывать детей? — сдержанно осведомилась Элеонора, словно Лаура унесла с собой весь запал ее ненависти.

— Да, если это касается моего ребенка, — ответил он с давно предвкушаемым наслаждением, хотя Лаура вовсе не была его биологической дочерью.

Кончики мертвых пальцев Элеоноры дернулись, как будто Эдгар затронул в ней неуловимую ниточку жизни, и журнал рухнул с колен, шумно прошелестев страницами и взметнув пыль, но женщина не дрогнула. Ее рука скользнула в сумочку и извлекла пачку сигарет. Элеонора по-прежнему неудержимо хваталась за них всякий раз, когда не знала, что делать и что сказать. Она попыталась заполнить паузу возней с зажигалкой, а затем, когда огонек полыхнул в изломе ее губ, глубоко вздохнула, словно вспомнила о необходимости дышать.

— Теперь я вижу, какой святой дух даровал мне это чудо! — Она даже попыталась рассмеяться, но вымученный смех погас в дымном кашле. Однако Элеонора не умолкла: — Так что тебе угодно? Ты пришел за ней? Забирай, кем бы ты ни был. — Элеонора не просто выражала согласие и безразличие, она требовала, и в этом было что-то жуткое, противоестественное.

Эдгар не думал колебаться — он давно решил судьбу Лауры, но эта женщина, лишенная памяти и сердца, будь она хоть тысячу раз его правнучкой, внушала неодолимое отвращение. Он не хотел просто забрать Лауру и уйти, оставив Элеонору спокойно нежиться на солнышке. Поэтому предпочел повести атаку в другом направлении, дабы вскрыть гнойник ее прошлого и затем отбросить Элеонору опустошенной.

— Твое хладнокровие весьма похвально, — произнес Эдгар с сарказмом. — Я вижу, ты так и не бросила курить. Что ж, это наименее пагубная из твоих привычек. Перечислить все, что я знаю о тебе? Пять лет назад ты решила провести второй медовый месяц со своим мужем Филиппом Уэйном в Румынии. Там тебя подкосил необъяснимый недуг, а затем постигла безвременная кончина, однако тебя ждала не могила, а вечное существование, которого, впрочем, ты так и не смогла

понять и принять. Тебя все время влекло обратно к твоему незабвенному супругу. В своей жажде крови ты чуть не умертвила старшую дочь, Джемайму, которой тогда было меньше, чем сейчас Лауре. Мне продолжать перечень твоих прегрешений? После девяти месяцев столь полнокровной жизни ты убила того, кто даровал тебе вечную жизнь, но это оказалось выше твоих сил, ведь он-то и был их источником. Его кровь отравила тебя и разрушала неокрепшую плоть, ты умирала, и тогда кое-кто спас тебя, влив неоскверненную кровь в твое сердце. Но ты забыла, что он сделал это не из чистого благородства. Теперь пришел черед расплаты.

Элеонора слушала его плавную речь с приоткрытым ртом, ловя каждое слово как воздух, которого ей явно не хватало. Сигарета тихо истлела в застывшей руке, и казалось, сейчас начнут тлеть пальцы, если бы они не были столь холодными. Элеонора выглянула из тени, и Эдгар увидел, какими светлыми у нее стали глаза — золотисто-карими, точно растаявший янтарь, но где-то в глубине затаился черный паучок страха. Сейчас в них не мелькало ни проблеска мысли, только безнадежная мольба.

— Прошу тебя, я не хочу умирать, — пробормотала Элеонора, — возьми ее или Джемми, если хочешь... но позволь мне жить дальше, уйди из памяти, оставь меня в покое! Ты обещал мне жизнь, пока жива она...

Эдгар ощущал стену страха, которую воздвиг перед ней, однако его цель — не запугать до полусмерти, а нечто другое.

— Я ошибся в тебе, моя дражайшая правнучка, — произнес он с металлом в голосе, — твоя вампирская ипостась действительно умерла при рождении моей Лауры. И мне противно сводить счеты с тем жалким существом, в которое ты превратилась, хотя, на мой взгляд, ты недостойна сострадания. А теперь выслушай мои условия: Лаура остается с тобой, по крайней мере пока.

При этих словах что-то невероятное всколыхнулось в Элеоноре: черты ее лица жестоко исказились, зрачки расширились, из глаз выплеснулся мрак. Эта метаморфоза была узнаваема — из образцовой домохозяйки восстала ее тайная неистребимая сущность.

— Что я слышу?! — процедила Элеонора настолько чужим голосом, что даже британский акцент исчез. — Так ты не заберешь ее? Тогда я ее убью, иначе она заберет меня. День за днем эта тварь терзает меня. Я теряю вкус к жизни! Это дитя моей смерти, в ней нет ничего от меня. Я родила ее тебе и не желаю больше видеть. И найду силы уничтожить, если ты ее не примешь.

Элеонора дышала неукротимой яростью. В ее лице не осталось ничего человеческого: даже веснушки погасли на бледной коже, а с губ исчезла искусственная краска. Она давно уже была духовно мертва, ее одушевляла лишь ненависть к той частице самой себя, что вышла из нее и зажила самостоятельной жизнью. И слепой страх перед тем, что эта новая маленькая жизнь поглотит ее собственную, обострял померкшие чувства Элеоноры и навязывал ей безжалостный нож возмездия.

Эдгар успел убедиться в существовании вампира в Элеоноре, пусть даже подсознательного, потустороннего, и ему уже наскучило слушать ее жалобы и угрозы, как и копаться в опустевшей могиле ее души. Настал момент поставить ей окончательные условия и подтвердить свою власть.

— Я вовсе не обещал тебе рай на земле, Алиса-Элеонора. Кроме того, ты нарушила наш договор и дважды пыталась избавиться от моей девочки. Да-да, мне известно и про подушку. — Его неизменно обольстительная улыбка шла вразрез с убийственными словами. — Я пришел предупредить тебя. Если ты еще раз попытаешься повторить подобное, то преждевременно убедишься в собственной смертности. Ты не нужна мне, но в тебе течет моя кровь, и, возможно, когда-нибудь ты мне пригодишься. Лаура — это твой крест, Элеонора, твое искупление. Постарайся нести его с честью. Береги ее, твоя жизнь — в ней. И наслаждайся каждой минутой, пока живешь. Уверяю тебя, это не продлится долго. Время платить по счетам еще придет. Я способен уничтожить тебя на расстоянии, для этого мне не придется приближаться. Твоя кровь, твоя жизнь напрямую зависят от меня. Если не веришь, взгляни на свое правое запястье, а теперь посмотри на меня!

Элеонора против воли подняла на него близорукие глаза. В руке Эдгара сверкнул нож с золотой рукояткой, при виде

которого Элеонора испуганно вскрикнула. Она вновь ощутила прилив жгучей боли в животе и услышала собственный крик. Эдгар театральным жестом поднял руку, как будто благословляя, — сейчас он напоминал прекрасного падшего ангела, — и на его указательном пальце показалась рубиновая капелька крови. Проследив за взглядом Эдгара, Элеонора завороженно посмотрела на свое запястье, которое пересекал аккуратный белый шрам. Кожа на ее руке заметно припухла и покраснела, глубокие синие вены вздулись. Из-под старого шрама хлынул поток крови, темной и горячей, словно пламя, пожирающее плоть. Элеонора ощутила власть Эдгара, который притянул ее кровь с помощью одной лишь капли, и осознала, что он может с легкостью опустошить ее, не нанося ран. Ужас поглотил Элеонору. Она даже не успела вскрикнуть еще раз, как провалилась в обморок. Внешне будто бы ничего не случилось: женщина просто откинулась на спинку парковой скамейки и закрыла глаза, подставив лицо солнцу.

Из-за скамьи выглянула Лаура, которая вовсе не убежала, а пряталась где-то поблизости.

— Маме опять нехорошо? — спросила девочка, покосившись на Элеонору.

— Она всего лишь отдыхает, моя милая, — с улыбкой ответил Эдгар. — Скоро она проснется и больше не будет тебя обижать, станет самой доброй и заботливой мамой в мире. Так ты, значит, не хочешь улететь со мной?

Лаура огляделась по сторонам, словно сравнивая этот шумный, пыльный, солнечный мир с тем призрачным покойным мраком, что предлагал ей Эдгар, и отрицательно качнула головой.

А Эдгар живо представил, какой станет Лаура, если он унесет ее прочь от бесчувственной матери. Девочка не смогла бы устоять перед его чарами — она вздохнула бы и задремала со способностью маленьких детей засыпать где угодно. Ее даже не хватились бы в этом нервном и бездушном мире, полном ежесекундных потрясений. Эдгар вырастил бы девочку вдали от этого мира, и она блуждала бы по его жизни, как ангелочек в аду. Их замок дышал бы одними цветами, с которыми она могла играть, украшая ими родные руины и незнакомые мо-

гилы. Лаура совсем не знала бы людей, только мертвые имена на надгробных плитах и призраков из памяти Эдгара. Далекие живые люди стали бы для нее бабочками-однодневками, которых приходится умертвлять с беспощадной любовью. И когда Эдгар в конце концов уподобит ее себе, Лаура вырвется из темницы и упорхнет в иной мир, на неоновый свет больших городов. Рано или поздно она возненавидит его за свое затворничество, за полную неприспособленность к существованию среди людей, за сокрытие от нее мира. Эдгар не хотел лишить детства этого обреченного ребенка, заслонить Лауре солнце и вечно видеть в ее глазах опрокинутое небо, поэтому решил не спешить.

— Скорее бы ты стала взрослой, — произнес он. — Я освобожу твою память, лишь иногда буду навещать тебя во сне. Расти и набирайся сил, дитя мира. Я буду ждать.

Он наклонился и осторожно поцеловал Лауру в лоб, стирая воспоминания о себе, оставляя в ее голове лишь образ сказочного принца, узнаваемый, но эфемерный, как мечта. Затем быстро отступил в тень. Вдалеке показалась Джемайма, которая изо всех сил тянула за руку отца. Увидев, что жена лежит без сознания, Филипп бросился к ней, приказав старшей дочери позаботиться о младшей. Джемайма, которой не нужно было повторять дважды, схватила сестренку за руку и утащила на качели.

— Кто это был? — спросил Филипп, приведя Элеонору в чувство.

— Я не уверена, — пробормотала она, привыкая к ужасной мысли, что ей придется терпеть рядом с собой Лауру, — но мне кажется, что это отец Лолли. Я не знаю его и никогда не знала. Понимаю лишь, что он не любил меня — ни капельки. И совсем не помню, как это произошло. Прости меня, Фил, но я должна была когда-то тебе признаться. Ах, лучше бы он сейчас забрал ее, навсегда, насовсем!

Филипп раздумывал всего минуту, глядя на жену, полную раскаяния и ужаса, а затем сказал:

— Ничего. Мы вырастим девочку. Лолли — моя дочь, и я всегда буду так считать.

Покидая Город ангелов и оставляя здесь частичку своей жизни, Эдгар обернулся, чтобы кинуть прощальный взгляд.

Ему открылась безмятежная картина: две девочки катались на качелях, поочередно кусая мороженое. Они казались созданными с одного слепка, только у Джемаймы были каштановые волосы, а у Лауры — светлые. Противоположные черты характера не разделяли девочек пропастью непонимания. Они зримо дополняли друг друга, сливаясь в некое гармоничное двуединое существо. Лаура, еще слишком коротконогая, не доставала до земли, и Джемми раскачивала их обеих, рядом с ней младшая сестра не боялась высоты. Джемайма заразительно смеялась, и Лаура, слушая ее, тоже хохотала. Эдгар убедился, что совершил благодеяние, когда принял решение оставить девочку на попечении сестры и исчезнуть из ее жизни на целых пятнадцать лет.

— Все правильно, так и должно быть, — подумал он, улыбаясь самому себе.

На сей раз за его спиной не оставалось никаких сожалений — впервые за двести лет Эдгар был совершенно доволен собой.

Часть 1
Лаура. Калифорнийские сны

Глава 1

В ее свидетельстве о рождении значилось:

Имя: *Лорелия-Вирджиния Уэйн.*
Дата рождения: *13 апреля 1969 года.*
Место рождения: *Бухарест, Социалистическая Республика Румыния.*
Мать: *Алиса-Элеонора Уэйн, гражданка Великобритании.*
Отец: *Филипп-Джеймс Уэйн, гражданин США.*

Ее первое воспоминание — лицо матери с выражением непреодолимого отвращения на нем. Мать всегда казалась ей красавицей, хоть эта яркая красота и носила налет искусственности: волосы, окрашенные в цвет прелой осенней листвы, глаза, подчеркнутые черными стрелками. Наверное, не было еще ребенка, неискушенному взору которого лицо матери не виделось бы иконой. Элеонора стояла над детской кроваткой, ее пышные волосы, подсвеченные ночником, озаряли лицо золотым ореолом, а в руках она сжимала подушку, такую же белую, как ее кожа. Затем мать уронила подушку, и опустилась темнота.

Лаура, разумеется, не помнила, что произошло дальше. В ее подсознании затаилось ощущение удушья, ужаса и беспросветности, и это переживание осталось с ней на всю жизнь. От нее отрезали свет, и Лауру накрыла тьма, мягкая и тяжелая. Потом полог беззвучия убрали, и в глаза снова хлынул свет, уже другой: сумрачный и печальный. Девочка увидела испуганного отца, крепко удерживающего руки матери, а лицо

той уже не напоминало лик Мадонны, ее сияющий ореол померк навсегда.

Следующим проблеском в воспоминаниях были карие глаза старшей сестры Джемаймы, глядящие на нее через прутья кроватки, в которых светилось любопытство и восхищение. Джемми всегда опекала Лауру и стала для нее настоящей семьей вместо той, что была лишь видимостью.

Нет, Лаура не сомневалась, что их родители любили друг друга — они даже никогда не ссорились. Эта благополучная семья жила в собственном доме в районе Венис в Лос-Анджелесе. Доктор Филипп Уэйн был преуспевающим психотерапевтом, у него консультировались многие голливудские звезды. Его жена Элеонора не работала, занималась домом и еще больше — собой. Она была несостоявшейся актрисой, нашедшей себя в счастливом замужестве. В возрасте восемнадцати лет Элеонора приехала из Англии покорять Голливуд, но британский акцент и истеричный характер помешали ей преуспеть. С Филиппом она познакомилась, когда попала в клинику с нервным срывом прямо со съемок, где играла официантку. У них вспыхнул роман, результатом которого стала беременность Элеоноры и скоропалительная женитьба. Голливуд оставил в ее манерах некую театральность и капризность, что, впрочем, нравилось мужу.

Обе дочери знали, что у Элеоноры слабое здоровье, хотя она никогда не выглядела больной. Раз в месяц Филипп устраивал жену в частную клинику, откуда та возвращалась заметно посвежевшей. Кроме того, у нее был плохой аппетит. За общим столом Элеонора обычно сидела с отстраненным видом, ковыряя вилкой в тарелке или же вовсе не притрагиваясь к еде. Однако это не мешало ей в возрасте за сорок выглядеть на двадцать пять, у нее не было ни единой морщинки или седого волоса.

Старшая дочь Джемайма унаследовала все самое лучшее от родителей: озорное очарование матери, ум и целеустремленность отца. В двадцать два года она с блеском окончила юридический факультет Калифорнийского университета и готовилась начать карьеру адвоката по уголовным делам. Правда, Джемми мало соответствовала привычному образу адвоката,

но ей многое прощалось за успехи. Природный каштановый цвет волос казался девушке скучным, и Джемайма постоянно перекрашивала свои локоны то в черный, то в баклажановый, то в оттенок красного дерева. Она не стеснялась носить немыслимые платья с кроссовками или рокерскими ботинками, мини-юбки, облегающие лосины — все то, чем запомнилась эксцентричная мода восьмидесятых.

Сестры были очень похожи чертами лица, разрезом глаз, формой губ, а также телосложением. Но при этом Лаура напоминала бледную тень Джемаймы. То, что у старшей сестры смотрелось ярким и сочным, у младшей казалось неброским и нежным. Блондинки Лос-Анджелеса были все как одна загорелыми и спортивными, а к ее белой коже не прилипали лучи калифорнийского солнца. Лаура не сознавала, что хороша русалочьей красотой севера: длинные прямые волосы, светлые брови и ресницы, беспримесно чистые голубые глаза. Но никогда не завидовала старшей сестре — та была ее кумиром, лучшей и единственной подругой.

Училась Лаура неровно, не то что отличница Джемайма. Она быстро увлекалась и столь же быстро остывала. Любила читать, могла с головой погрузиться в любимый предмет, но ненавидела зубрежку, ей не хватало усидчивости. Лаура была мечтательна и подолгу витала в облаках. Окончив школу, она так и не смогла определиться с выбором профессии. Родители не давили на младшую дочь — им попросту не было до нее дела.

13 апреля 1988 года Лауре исполнилось девятнадцать лет. Поздним утром девушка еще дремала в полумраке своих грез, спрятавшись в коконе одеяла от шума города. Она с трудом разлепила веки, даже когда в комнату ворвалась Джемайма, свежая, как апрельское утро. Вместе с ней в комнату бесцеремонно хлынули солнечные лучи и океанский бриз. Сестра раздернула занавески, распахнула окно и стянула с Лауры одеяло.

— Вставай, маленькая лентяйка! Ты же не хочешь проспать свой день рождения?

— Именно этого я и хочу, — пробурчала Лаура, жмурясь от яркого солнца и хватаясь за ускользающее одеяло.

— А я не позволю! — продолжала тормошить ее сестра. —

Живо под душ! Сейчас мы выпьем шампанского и пойдем на пляж, затем пообедаем в кафе на набережной, вернемся домой, приведем себя в надлежащий вид и на всю ночь завалимся в клуб, будем танцевать до упада! Я куплю пару коктейлей, тебе ведь еще не продадут.

Смиряясь с этим планом, Лаура вздохнула и села на кровати.

— Может, мы лучше сходим в кино, а вечером посидим дома?

— Ты рассуждаешь как столетняя старуха! — поддразнила ее Джемайма. — Ты не понимаешь, как важно девятнадцатилетие. Это же конец юности! Через год тебе исполнится двадцать, наступит молодость, и годы полетят, не успеешь оглянуться — и тебе двадцать пять, а там и тридцать! А ты и не увидишь ничего, кроме своей темной комнаты.

— Ладно, — рассмеялась Лаура, окончательно проснувшись. — Тебе самой только двадцать два. Вся жизнь впереди, пойдем веселиться!

Вечером, смыв с себя мокрый песок и усталость, Лаура томилась в кресле, пока Джемайма завивала ее волосы в модные мелкие кудряшки. Телефонный звонок прозвучал сигналом к отбытию ежегодной повинности.

— Лора, дорогая, с днем рождения, — сказал отец с другого конца света. — Мы с мамой желаем тебе счастья и исполнения всех желаний.

— Спасибо, — ответила Лаура и ощутила, как затаилась с той стороны телефонного провода Элеонора. — Как Лондон?

Джемайма сделала вид, что не заметила, как похолодел голос сестры. Джемми предпочитала занимать позицию буфера в этой своеобразной семье. Она даже выбрала для учебы Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, чтобы не бросать сестренку одну.

Между тем Лаура вежливо выслушала рассказ отца о достопримечательностях Лондона, попрощалась и повесила трубку. Девушка знала: что бы она ни делала, между ними всегда будет пролегать мировой океан.

Вскоре обе сестры дергались на дискотеке, словно марионетки, в мерцании стробоскопов. Джемайма танцевала само-

забвенно, извиваясь подобно язычку пламени, такая же гибкая и неуловимая. Завитки медно-рыжих волос вспыхивали и сыпали вокруг искры ее очарования. Мужчины вились возле нее, как мотыльки около лампы в темную ночь. Лаура старалась не отставать от Джемми, и на нее тоже обращали внимание. В бирюзовом платье с блестками, разрумянившаяся, с подведенными глазами и помадой на губах, она уже не смотрелась бледной копией сестры.

Лаура не привыкла к алкоголю, поэтому после пары коктейлей почувствовала легкое головокружение. Она оставила сестру танцевать и вышла подышать во внутренний двор. Меланхоличная и замкнутая по натуре, под влиянием спиртного Лаура становилась ранимой и слезливой. Приступ необъяснимой глухой тоски, называемой «одиночество в толпе», отбил у нее желание веселиться и танцевать. Лаура присела на крыльцо, готовая расплакаться, когда пожарная дверь отворилась и вышел парень. Впоследствии она не могла вспомнить его внешность, но в тот момент показалось, что он «ничего». Лаура взглянула на парня и не сумела выудить из памяти его имя. Вроде бы что-то рокочущее, начиналось на «Р»: то ли Рэй, то ли Рик, но уточнить Лаура постеснялась. Она улыбнулась ему, однако улыбка вышла жалкой.

— Ты вышел за мной, потому что тебя отвергла моя сестра?

— Нет, просто захотел покурить. — Он пожал широкими плечами и присел рядом с ней на крыльцо. — Хочешь сигарету?

— Нет, спасибо, — мотнула головой Лаура, — моя мать постоянно курит, и меня это жутко раздражает.

Он затянулся и неспешно оглядел ее с ног до головы, задержав взгляд на округлых коленях и глубоком декольте. Ноги у Лауры были недурны для ее среднего роста — достаточно длинные, с тонкими лодыжками, а пышный бюст считался гордостью многих поколений женщин ее рода.

— Ты сестренка Джемаймы? Лола?

— Лора.

От обиды она неосторожно моргнула, зажмурившись чуть сильнее, чем следовало. Еле сдерживаемые слезы соскользнули

с кончиков ресниц и покатились по щекам ярко-синими ручейками, смывая тушь.

— Почему ты плачешь? — недоуменно спросил Рэй-Рик.

— У меня сегодня день рождения, — по-детски выпалила Лаура, не придумав ничего лучшего.

— И что, это повод плакать? Сколько тебе исполнилось?

— Девятнадцать.

— Вот выдумала! — рассмеялся Рэй-Рик. — Да у тебя вся жизнь впереди! Ты уже окончила школу?

— Да, почти год назад.

— И чем ты занимаешься сейчас? Учишься в колледже?

— Нет, — всхлипнула Лаура, — я не стала поступать, даже анкеты не посылала.

— Почему? Разве ты глупая?

— Надеюсь, что нет, вроде бы обыкновенная.

— И чем же ты занимаешься? Работаешь?

— Нет! — Лаура начала осознавать нелепость своего положения и постепенно успокаиваться.

Она достала из сумочки зеркальце, салфетку и вытерла синие разводы под глазами. Девушка вовсе не собиралась откровенничать с незнакомым парнем, но была в нем какая-то располагающая простота.

— Что же ты делаешь целыми днями, как проводишь время?

— Ну, — виновато протянула Лаура, чувствуя себя донельзя избалованной, поверхностной и никчемной, — сплю, гуляю по пляжу, езжу в Голливуд, смотрю в кинотеатрах старые фильмы — очень их люблю... Вечерами болтаю с Джемаймой, иногда мы с ней выбираемся куда-нибудь.

— Твоя главная проблема, детка, — скука, — авторитетно изрек Рэй-Рик и закурил очередную сигарету. — Ты ничем не обременена и поэтому не знаешь, куда себя деть. А ведь живешь в стране великих возможностей. Где же твоя американская мечта? У тебя она есть?

— Наверное, нет. — Лаура задумалась, и ее взгляд затуманился, стал отрешенным. — Вся целеустремленность в нашей семье досталась Джемайме. Мне иногда кажется, что я родилась мертвой... или уже старухой.

— Ты это брось, — сказал Рэй-Рик, выкинув окурок и придвинувшись к ней. — Все у тебя будет так, как ты заслуживаешь. Ты хорошенькая... хоть и странная.

«Сейчас он меня поцелует», — поняла Лаура и обмерла. Она давно готовила себя к мысли, что когда-то это случится — ее запоздалый первый поцелуй, и он вряд ли будет похож на полуночные грезы. Все получится прозаично, как у большинства, с незнакомым парнем на заднем дворе ночного клуба, поцелуй с привкусом алкогольных паров и выкуренных сигарет. А потом, возможно, он позовет ее на настоящее свидание, и Лаура потеряет девственность в драйв-ин[1] на заднем сиденье автомобиля, или в мотеле, или на пляже...

«Почему бы и нет? — подумалось ей с зарождающимся цинизмом. — Он неплохой вариант».

Его лицо приближалось точно в замедленной киносъемке, и по мере того как расстояние между ними сокращалось, Лаура чувствовала, что ее кожа леденеет, а от щек отливает кровь. Она попыталась приоткрыть губы, но они словно застыли, дыхание прервалось. Лаура зажала рот ладонью и начала судорожно кашлять, так что из глаз брызнули слезы, лицо болезненно исказилось и побагровело. Рэй-Рик отшатнулся и испуганно наблюдал за приступом. Девушка билась и задыхалась у стены, уткнувшись лицом в колени и закрывшись завесой волос.

— Что с тобой? Позвать врача?

— Позови Джемми, — прохрипела Лаура.

Рэй-Рик кинулся в клуб, и в его отсутствие ей немного полегчало. Кашель почти прекратился, оставив после себя затрудненное дыхание и боль в горле. Она вытерла рот салфеткой и с ужасом увидела кровавые пятна.

«Не надо никому говорить», — всплыла в голове вкрадчивая мысль, и Лаура в смятении приняла ее за свою.

Через несколько минут пожарная дверь распахнулась, и на крыльцо выбежала обеспокоенная Джемайма, за ее спиной маячил Рэй-Рик.

Лаура привалилась к стене, бледная как смерть, с посиневшими губами и размазанной тушью, волосы ее размета-

---

[1] Кинотеатр под открытым небом, где фильмы смотрят из автомобиля.

лись, кружевная отделка платья задралась выше приличного. Джемми ужаснул вид Лауры, она опустилась рядом на колени и принялась поправлять сестре платье, промокать платком глаза и щеки, убирать с лица прилипшие волосы.

— Что случилось, Лолли? Почему ты задыхалась? Ты что, закурила? — Джемайма повернулась и обвиняюще посмотрела на Рэя-Рика, как заправский прокурор.

— И не думала даже! — От негодования у Лауры прорезался голос. — Джемми, я хочу домой.

— Хорошо, мы едем домой.

Сестра помогла ей подняться, подхватила под руки, и они направились на стоянку такси. Лауре было совестно, что она так и не попрощалась со своим первым незадачливым кавалером, но обернуться и хотя бы махнуть ему рукой не решилась. Она понимала, что он не позвонит, хотя наверняка знает телефон ее сестры.

Дома Джемайма уложила Лауру в постель и сидела рядом, пока та засыпала.

— Это случилось с тобой впервые, такой сильный кашель? — допытывалась Джемми. — Надо показать тебя врачу.

— Не стоит! — отчаянно воспротивилась Лаура, втайне радуясь, что не сказала Джемайме про кровь. — Я чувствую себя нормально, просто поперхнулась, только и всего.

— Но это может быть предвестником астмы... или даже туберкулеза! Ты как дочь врача должна это понимать.

— Джемми, он врач-психотерапевт, — устало возразила Лаура. Впервые дотошность сестры действовала ей на нервы. — Умоляю, дай мне снотворное, я абсолютно разбита.

— Как дочь врача-психотерапевта ты должна знать, что принимать снотворное после алкоголя противопоказано. Ты и так заснешь. Спокойной ночи!

Лаура вздохнула и отвернулась к стене. Она долго не могла уснуть — ее томил коктейль из сомнений, смутных предчувствий и опасений, злость на себя и неоправданная обида на Джемайму, неопределенность и страх перед грядущим — словом, то, что может волновать девушку на заре юности. Неспящий город по-прежнему шумел за окном, но она, как ни старалась, не могла отыскать в нем места для себя. Лаура всерьез разду-

мывала о возможности поступления в колледж или о поисках работы, но не находила смысла ни в том, ни в другом. Благодаря отцу она не знала отказа в деньгах, но по-настоящему не нуждалась в них — ее потребности были скромны. Лаура не была пустой и испорченной, но считала себя таковой и в ходе столь неутешительных размышлений вскоре стала противна сама себе. Сон подкрался на мягких лапках и начал путать ее мысли, играя с ними, словно котенок с клубком. Медленно и вязко погружаясь в водоворот сновидений, Лаура уцепилась за последнюю внятную мысль: «Что-то должно случиться...»

Сны ее были прерывистыми и беспокойными с самого детства. Она вечно куда-то бежала, спасалась от невидимого преследователя, падала в бездонную пропасть, тонула в океане. Рядом с ней всегда присутствовала какая-то тень, бестелесный дух, вторгающийся в разум. Этот сон был объемным и почти осязаемым — Лаура бежала по коридорам старинного замка и могла даже различить паутину на стенах. На сей раз она не пряталась, а искала — временами впереди мелькала белая рубашка, и девушка упорно следовала за ней, путаясь в поворотах. Наконец она очутилась в чем-то, похожем на зал, и узрела объект своих исканий. Лаура впервые видела мужчину так близко, и это оказалось столь ошеломляюще, что она застыла, как будто наткнулась на воздушную стену.

Его неуловимый образ скрывался в смутных снах Лауры, когда она металась по лабиринтам своего сознания. Сейчас же прекрасное видение стояло в кругу свечей и смотрело на нее синими глазами, а его длинные волнистые волосы окутывали плечи золотистой пелериной. Сладостный страх пополз мурашками по спине, и Лаура с трудом преодолевала тягу броситься к нему в объятия и отдаться на затянутом мглой полу. Прежде Лаура не могла прикоснуться к нему: едва она собиралась исполнить свое тайное желание, иллюзорный мир, созданный незнакомцем, разрушался вместе с дремотной дымкой, и девушка просыпалась в обыкновенной жизни. Он протянул руку, словно мост через туманную реку сна, и огладил ее бедро, это прикосновение источало обжигающий холод.

Лаура опустила глаза и со стыдом увидела, что на ней то самое бирюзовое платье, вульгарно задравшееся вопреки за-

конам гравитации. Точно так же, как случилось накануне вечером на ступеньках клуба.

Он ослепительно улыбнулся и произнес одно слово:

— Скоро.

Воображаемый герой никогда не говорил с ней, но этот сон оказался реальнее и чувственнее, чем прежние. Лаура осмелела и спросила:

— Я вижу тебя во сне уже давно, и мне хочется верить, что ты существуешь. У тебя есть имя?

Он снова улыбнулся, отступил на шаг и начал таять в полумраке. Вместе с ним исчезла и фата-моргана — его замок, созданный из снов. Лаура с усилием выплыла из притягательного омута грез-кошмаров, от которых у нее шла кругом голова. Она открыла глаза и несколько минут лежала в оцепенении, стараясь задержать в памяти ускользающий образ. Затем повернулась на другой бок и спокойно проспала до утра.

Перед завтраком девушка вышла к почтовому ящику, повинуясь ежедневной обязанности приносить отцу свежую газету. Поскольку Филипп был в отъезде, Лаура взяла газету себе, чтобы просмотреть за чашкой кофе. Джемми уже позавтракала и уехала на практику в суд. Лениво пролистывая страницы, Лаура наткнулась на необычное объявление, в котором говорилось, что Американское этнографическое общество организует экспедицию в Румынию. Приглашаются юноши и девушки, интересующиеся культурой Восточной Европы, готовые оплатить поездку. Слово «Румыния» возымело на Лауру магическое действие: она заволновалась и вскочила со стула. «Скоро», — снова забилось у нее в висках предвкушение тайны. Она побежала к себе в комнату и достала припрятанное там свидетельство о рождении, а также справку о выписке из больницы, написанную на румынском языке. Эти документы Лаура случайно отыскала в доме пару лет назад, и с тех пор они не давали ей покоя. Однако, зная своих родителей, она не решалась на откровенный разговор с ними.

Когда Джемайма вернулась, она увидела сестру необычайно возбужденной, с блестящими глазами и румянцем на щеках.

— Джемми, — сразу объявила Лаура, — я поняла, что хочу делать дальше! Поеду в Румынию. Я уже все выяснила, мы

вылетаем, как только нам оформят визы и необходимые разрешения. Ты ведь дашь мне денег? Пожалуйста, пожалуйста!

Джемайма, разумеется, обрадовалась, что у сестры пробудился интерес к жизни, но идея путешествия в Румынию ее насторожила. Она дважды перечитала объявление, наморщила лоб и села за стол переговоров.

— Послушай, Лора, это, конечно, здорово, что ты так загорелась этой поездкой, но мне страшно за тебя. Румыния — бедная, опасная страна под властью настоящего тирана Чаушеску[1]. Ты девочка, не знающая языка. Ехать туда по меньшей мере опрометчиво. Я твоя старшая сестра и несу за тебя ответственность. Что я скажу родителям?

Она ожидала, что Лаура внемлет ее доводам и быстро сникнет, но сестренка, всегда такая мягкая и уступчивая, на этот раз проявила небывалое упорство.

— А ты не говори им! — упрашивала Лаура. — Им до меня и дела нет! Сейчас 1988 год. Холодная война заканчивается! В Советском Союзе перестройка и гласность. Не за горами перемены и в других государствах. Совсем скоро мир станет единым, без войн и противостояний! Кроме того, я поеду туда не одна. Со мной будут еще участники экспедиции и два куратора, которые знают румынский язык.

Видя, что Джемайма колеблется, Лаура прибегла к последнему аргументу:

— Ты знаешь, что я родилась в Бухаресте? Так вот, я хочу выяснить почему.

— Ты хочешь узнать, почему родилась в Бухаресте? — повторила Джемми в изумлении. — Ну наша бабушка по матери была из Румынии, она сбежала оттуда в Англию во время Второй мировой. Я слышала об этом от папы. Наверняка у матери были там какие-то дела.

— У беременной? Сомневаюсь. Я хочу узнать, что она там делала и при каких обстоятельствах я появилась на свет!

Лаура встала из-за стола и принялась нервно ходить по комнате.

---

[1] Николае Чаушеску — генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии. Был казнен в 1989 году после государственного переворота.

— Ты ведь не думаешь, что тебя удочерили, Лолли? — с недоумением спросила Джемайма.

— Нет, я вижу, что не приемыш. Мы с тобой похожи внешне, но я не могу понять одного: как у темноволосых и кареглазых родителей могла появиться я?

— Лолли, ты же учила биологию в школе! — рассмеялась Джемайма. — У кареглазой пары может родиться ребенок с голубыми глазами, если в их роду были такие.

— Вероятно. — Лаура снова села за стол и уронила голову на руки, на всякий случай готовясь разрыдаться. — Но, Джемми, мне кажется, здесь какая-то тайна. И корни ее находятся в Румынии, где я родилась. Я уже позвонила в Этнографическое общество и все разузнала. Мы будем проездом в Бухаресте, я найду ту больницу, где родилась, и все выясню.

— Вряд ли тебе там что-то скажут, столько лет прошло... И ты не знаешь языка.

— Я разберусь. — Лаура наконец посмотрела на Джемайму, решившись поделиться самым сокровенным. — Мне кажется, что у меня другой отец, поэтому мама никогда не любила меня. Возможно, он причинил ей боль... Я всегда чувствовала себя чужой в нашей семье. Если бы не ты, мне было бы совсем невыносимо!

И она умоляюще заломила маленькие ручки, совсем как Элеонора. Джемайме стало до боли жаль сестру. Джемми ко всем относилась лучше, чем они того заслуживали, и даже к матери, которая всегда была равнодушна к обеим дочерям. Она видела, что Элеонора никого не любила, кроме мужа, но прощала ей это. И, сочувствуя терзаниям Лауры, не смогла ей отказать.

Глава 2

Румыния встретила Лауру проливным дождем. Когда самолет авиакомпании TAROM заскользил по мокрой посадочной полосе в аэропорту Отопени, все ее существо возликовало. Девушку не покидало ощущение полета — не только в физическом теле, которое только что пересекло океан, но и полета

души, притянутой на родину зовом крови. Однако Лауре не удалось осуществить свой замысел. После одиннадцатичасового перелета из Нью-Йорка в Бухарест измученных участников экспедиции посадили в автобус. До пункта назначения Тульчи двести восемьдесят километров, нет смысла тратить время в этом кошмарном городе.

— После завершения экспедиции делайте что вам вздумается, — заявил руководитель Уолтер Мэйн, которого девушки сразу прозвали Зануда Уолли.

Это был невысокий властный человек за пятьдесят, с круглым брюшком и блестящей лысиной, закоренелый холостяк, одержимый страстью к культуре Восточной Европы. Он злился, потому что его помощник заболел перед самой поездкой и ему приходилось все делать самому. Девушки, основной состав экспедиции, оказались неуправляемы, самоуверенны и остры на язык. Преобладали студентки из состоятельных семей, которым казалось любопытным заглянуть за железный занавес и провести каникулы в экзотической стране. В группу входили два молодых человека, они смотрели на девчонок как на куски мяса и отпускали сальные шуточки.

В Нью-Йорке к экспедиции присоединилась еще одна участница по имени Бернадетт — у нее было французское происхождение, чем она безмерно гордилась. В аэропорту она подошла к Лауре и спросила, чем та красит волосы.

— Ничем, — растерянно ответила Лаура, и по прищуренному кошачьему взгляду француженки поняла, что только что нажила себе врага.

Бернадетт была слишком самовлюбленной и хотела оставаться единственной блондинкой если не во всем мире, то, по крайней мере, в замкнутом мирке этой экспедиции. Она то и дело стреляла глазками в сторону симпатичного Ника, и тот тоже ее заприметил.

Бухарест запечатлелся в памяти Лауры серым безрадостным городом, сырым, как отпечаток на свежем бетоне. Сквозь пелену дождя и грязные разводы на окнах автобуса она успела увидеть недостроенный Дворец народа, проспект Победы Социализма и промокших жителей столицы под темными зонтиками. Автобус быстро пересек центр города и выбрался на

шоссе. Небо прояснилось, выглянуло солнце, и за окном замелькали прелестные пасторальные пейзажи. Румыния разительно отличалась от Калифорнии. Она выглядела большой деревней, бедной, но гордой. Дорога петляла серпантином по холмам сквозь туннели сросшихся над ней деревьев. Вдоль шоссе зеленели поля, паслись отощавшие после зимы коровы и овцы, пробегали бродячие собаки. Автобус то и дело обгонял повозки, запряженные лошадьми. Лица румын были смуглыми, будто прокопченными солнцем, но доброжелательными и улыбчивыми. По мере приближения к Тульче стали встречаться скалы и заболоченные озера, берега которых поросли камышом. Возле одного такого озера автобус свернул с трассы на проселочную дорогу и вскоре въехал в ворота усадьбы с нежным названием «Магдала», где и находилась гостиница.

Здание старинного особняка было возведено в стиле классицизма, без лишнего декора, строгое и изящное. Двухэтажный главный дом украшали фронтон и белые ионические колонны. Справа и слева располагались флигели с башенками высотой в три этажа. Двойная колоннада-галерея соединяла их с главным зданием. Из комнат второго этажа имелся выход на галереи, где гости могли прогуливаться и наслаждаться прекрасными видами. Фасад отеля был обшарпан, да и вся усадьба несла на себе отпечаток запустения, но окружающая природа поражала романтической красотой. Цветущий яблоневый сад манил в глубь усадьбы, с другой стороны раскинулось озеро, заросшее белыми лилиями и желтыми кувшинками. За озером высилась скала, на которой стоял средневековый замок, серый и мрачный, довлеющий над всей округой. В лучах закатного солнца его башня выделялась четким силуэтом, так что можно было различить зубцы.

Руководитель достал списки и начал распределять участников по комнатам. Имя Лорелии Уэйн шло последним по алфавиту, и ей досталась комната во флигеле, на первом этаже. Ее соседками — узницами башни стали Мариэдит, мексиканка из штата Техас, и еще одна девушка с юга. Лауре повезло одной занять целую комнату, тогда как в главном здании селились по двое — там была современная мебель и стояли две кровати.

Комната оказалась большой, а ванная — маленькой, явно встроенной в поздние времена при преобразовании особняка в отель. Стены оклеены полосатыми обоями шестидесятых годов. Из старинной мебели в комнате сохранилась кровать в стиле рококо — еще с колоннами, но уже лишенная балдахина — и шкаф из темного дерева. Раскладывая вещи по ящикам, Лаура обнаружила полупустой флакон духов, очевидно, забытый кем-то из постояльцев. Из любопытства она откупорила пробку, и комнату наполнил всепоглощающий аромат сирени. Лаура поморщилась — это был любимый запах ее матери, и сейчас призрак Элеоноры возник перед ней, словно джинн из бутылки. Сама Лаура предпочитала духи с ароматом ландыша, свежим, невинным и немного старомодным. Чихнув несколько раз, она распахнула окно, за которым росло большое дерево черемухи, сплошь усыпанное белыми цветами. Неведомый ей аромат заполнил комнату, вытеснив дух Элеоноры, а благоухающие ветви потянулись в окно, словно бледные руки привидения. Лаура стряхнула с себя наваждение и отправилась в душ, оставив окно открытым.

После того как все участники экспедиции обустроились и освежились с дороги, было объявлено, что жители ближайшей деревеньки устраивают для них приветственный ужин. Во дворе «Магдалы» развели костер и поставили столы, принесли красное вино с окрестных виноградников и мясо для жарки на углях. Гостей угостили овечьим сыром и мамалыгой — кашей из кукурузы. Почтил компанию своим присутствием и деревенский староста, человек образованный и весьма уважаемый. Пожилой румын хорошо говорил по-английски, слушать его было легко и приятно.

— Наша область носит название Северная Добруджа. Отсюда у нас начинается озерный край — дельта Дуная. Великая река впадает в море, разделяясь на три рукава. Вы можете заниматься рыбалкой или наблюдать за птицами, здесь их очень много. Если повезет, встретите розовых фламинго, они любят делать передышку на болотах во время перелетов. Согласно древней легенде, озера — это драгоценные слезы богини, потерявшей своего возлюбленного. Места у нас глухие, но красивые, такого вы не увидите нигде.

— Я бывала у родственников в Луизиане, там примерно так же. Болота, только крокодилы водятся, — перебила старосту Бернадетт.

Она пребывала в дурном расположении духа из-за того, что ей не выделили отдельную комнату. Бернадетт уже успела потребовать у Зануды Уолли, чтобы ее переселили во вторую башню, но тот отказал. Одну комнату он занимал сам, а в две другие вскоре должен был заехать его новый помощник, который обещал привезти с собой именитого американского профессора. Уолли не терпелось поговорить с увлеченными людьми, бестолковые студенты его раздражали.

— Здесь рядом есть две деревушки, исконно румынская и поселение русских старообрядцев-липовян — большой простор для изучения, — вставил он.

Особого энтузиазма эта новость не вызвала: молодежи хотелось гулять, болтать, флиртовать и проводить вечера у костра.

— Расскажите, пожалуйста, про тот замок, — попросила старосту Лаура.

— Замок этот построен в Средние века. Долгое время им владел графский род, пока не пресекся. Это произошло в конце XVIII века. Тогда же по этим краям огнем пронеслась война русских с турками, и замок сильно пострадал. С той поры в нем никто не жил. От времени строение разрушается и неизбежно приходит в упадок.

— А можно организовать нам экскурсию туда? Пожалуйста! — захлопала в ладоши Бернадетт.

— Нет, ходить туда не стоит. Замок большей частью представляет собой руины, жить там невозможно и даже передвигаться опасно. Но вроде бы у него есть хозяин. Никто из нас его не видел, он там почти не бывает. По слухам, он из Восточной Европы, но не из Румынии, то ли венгр, то ли поляк. Глухонемая женщина из деревни иногда наведывается туда, чтобы поддерживать порядок, больше никому туда хода нет.

— А откуда взялось название нашего отеля «Магдала»? Это имя хозяйки? — задала вопрос одна из девушек.

— Особняк возвели в конце XVIII века. Более двадцати лет назад владелец решил открыть в нем гостиницу, здание зано-

во отделали и оборудовали ванные комнаты. Сейчас фасад немного облупился, но внутри все прилично, что вы, надеюсь, оценили. Как отель особняк существует многие годы, но постояльцев мало. Море отсюда далековато, а любителей болот и скал еще надо поискать.

— Ага, оценили, — недовольно пробурчала Бернадетт. — Мы живем парами, и при этом у нас всего две ванные комнаты на этаж, а кто-то шикует в башне один и с собственной ванной!

— Разве у вас не все принадлежит правительству? — уточнила Лаура, успев перед поездкой изучить детали государственного устройства Румынии.

— Формально да, но деньги решают многое. Бывший владелец приехал из Турции. Как говорят, потомок того самого турка, который и построил особняк. Название «Магдала» он дал дому в честь своей невесты, она была дочерью графа из вон того замка. Тогда вся эта земля находилась под властью турок. Граф платил им дань и не мог отказать. Когда он умер, свадьба еще не состоялась. А вскоре померла и невеста.

— От чего же она умерла? — спросила Лаура.

Эти истории ее увлекали и будоражили воображение.

— Ее убили вампиры, — ответил староста с серьезным видом.

— Вампиры? — рассмеялась Мариэдит. — Это граф Дракула и компания?

— Ну у нас не Валахия или Трансильвания, Влад Цепеш здесь не бывал, но вампиры водились. Двести лет назад случился самый мощный мор от них. Все обитатели замка погибли. Слава богу, уже двадцать лет как спокойно в этих краях.

Никто не воспринял его слова всерьез, особенно про двадцать лет, ведь это совсем недалекое прошлое, когда никаких вампиров существовать не могло.

Староста вдруг вгляделся в лицо Лауры, словно стараясь что-то припомнить.

— Скажите, я не мог вас где-то видеть?

— Нет, я здесь впервые и никогда раньше не выезжала за границу, — пожала плечами девушка.

Староста кивнул, но призадумался и больше ничего расска-

зывать не захотел. А молодежь продолжила пить и веселиться, принесли гитару. Они строили планы, то и дело раздавался смех. Тем временем помрачневший староста наблюдал за белокурой девушкой в клетчатой рубашке и потертых джинсах, чьи волосы золотились в пламени костра, совсем как у той, *другой*. Только когда она с аппетитом прожевала пару кусков жареного мяса и запила бокалом вина, он тихо пробормотал:

— Слава богу, померещилось.

Но Лаура этого не расслышала и не обратила внимания, будучи оживленной и веселой как никогда. Девушка разрумянилась от тепла и вина, не чувствовала усталости и с улыбкой слушала, как Пол играет на гитаре ее любимую песню California Dreamin'[1].

В одиннадцать часов Зануда Уолли объявил отбой, костер потушили, деревенские отправились домой, а американцы разошлись по комнатам. Два бокала вина, выпитые Лаурой, приятно кружили голову. Все еще улыбаясь, она разделась и натянула на себя длинную футболку с символикой британской рок-группы — прошлым летом они с Джемми ходили на концерт. На футболке были изображены накрашенные губы с витиеватой надписью Kiss Me Kiss Me Kiss Me. Лаура забралась в огромную кровать, пахнущую пылью и сушеной лавандой, свернулась клубочком и тут же заснула безмятежным сном.

Проспала она около часа. Полная луна взошла над вершинами деревьев, заглянула в окно и скользнула ласковым лучом по щеке Лауры. Поцелованная луной, девушка резко села на кровати. После вина хотелось пить, она потянулась, чтобы взять бутылку с водой, но посмотрела в сторону окна и замерла. Легкий ветерок шевелил тюлевые занавески, и в окно лезли белые ветви черемухи, осыпая пол лепестками. В переплетении лунных бликов лепестки складывались в причудливый узор, так что можно было прочитать имя «Эдгар». Ошеломленной Лауре почудилось, что она все еще во сне. Как сомнамбула, она поднялась с кровати и подошла к окну, не надев тапочек, —

---

[1] California Dreamin' — нестареющий хит 1966 года группы The Mamas And The Papas.

о таких мелочах во снах не заботишься, хотя она ненавидела ходить босиком. Ей не пришло в голову открыть дверь, запертую изнутри. Лаура отодвинула занавески, легко перемахнула через подоконник и очутилась во дворе.

Ночь была нежна, полна трепета, шорохов и шелеста, а коварный аромат черемухи туманил разум и вызывал в теле смутное томление. Лаура подняла голову: она никогда не видела такую огромную луну, казалось, стоит протянуть руку — и можно дотронуться до нее. Сад наводнил лунный свет, но не прохладный, а пьянящий и чувственный.

В тени дерева стоял Эдгар, похожий на принца из сказки, в старинном костюме из серебристо-серого атласа. Его распущенные светлые локоны ниспадали на плечи, и лепестки черемухи медленно осыпались, путаясь в волосах, как нетающий снег. Лаура молчала, чтобы не спугнуть сновидение. Их разделяло несколько шагов, долгих и непреодолимых, как вечность. Она узнала мужчину своей мечты и ступила ему навстречу, словно поплыла по лунным волнам. Он галантно протянул руку, и слабый намек на улыбку скользнул по его губам. Их пальцы соприкоснулись, и в следующий миг Лаура провалилась в его объятия. Эдгар с нечеловеческой силой дернул ее в глубь двойной колоннады, увлекая во мрак.

Лаура стукнулась головой о колонну, и перед глазами заплясали темные мушки. На «Магдалу» опустилась мертвенная тишина, морок был таким мощным, что даже птицы умолкли. Соловей, заливисто певший в кустах, словно поперхнулся и оборвал песню на полуноте. Две пары голубых глаз встретились: у Лауры они имели оттенок безоблачного летнего неба, а у Эдгара казались темными и таинственными, с поволокой, их цвет напоминал ночное озеро, пронизанное лунными лучами.

Эдгар вжал девушку в колонну и посмотрел сверху вниз — он был больше чем на голову выше нее. Его лицо выглядело так сурово и прекрасно, что Лауре сделалось страшно: оно дышало злом и неизбывной жаждой. Глаза Эдгара оставались холодными и загадочно мерцали в полумраке. Отразив луну, в его руке сверкнул нож, неумолимо приближаясь к горлу девушки. Сердце у Лауры замерло и ухнуло вниз, но через миг промедления она посмотрела ему прямо в глаза и рукой откинула

волосы, обнажая шею. Затем покорно опустила взор, готовая умереть, если на то будет его воля.

Рука Эдгара с ножом опустилась, взгляд смягчился, и он застыл в нерешительности. Такое обреченное смирение было выше его понимания, он явно не ожидал подобного. Эдгар крепче обнял девушку, ледяные губы поцелуем скользнули по ее шее, отыскивая трепетно бьющуюся жилку. Несколько мгновений он сладостно медлил и прислушивался к волнующему стуку ее сердца. Эдгар испытывал благоговение перед человеческой природой Лауры, порхающей бабочкой ее быстротечной жизни.

Лаура ощутила его дыхание, нежное и прохладное, как ночной ветерок. От блаженства она расслабилась и зажмурилась, и тогда его клыки впились в ее шею. Девушка задохнулась собственным вдохом и даже не успела вскрикнуть. Боль была резкой и молниеносной, но тут же отступила, и шея онемела, точно покрытая коркой льда. В недвижимом воздухе разлился запах крови, он смешивался с дурманящим ароматом черемухи и вонзался ей в виски. Лаура запрокинула голову и вознеслась взором к луне. С каждой утраченной каплей крови ее душа воспаряла и все сильнее отрывалась от земли. Не желая расставаться с душой, Лаура судорожно обнимала Эдгара и цеплялась за него, как за жизнь. Ее кровь взволновалась и устремилась к нему, их сердца забились в унисон. Заключенная в кольцо его рук, Лаура смотрела на небо сквозь ветви черемухи. Ей мнилось, что она поднимается к звездам со дна темного колодца.

Лаура не подозревала, что ее кровь несла в себе наследие веков и была драгоценна для Эдгара в каждой капле. В венах этой девушки смешался редчайший коктейль из крови трех вампиров. Эдгар различил металлический привкус крови своего древнего врага, а также послевкусие крови Элеоноры, еще близкой к человеческой, но уже перерождающейся в жидкий огонь. И главное — ощутил радость узнавания своей собственной крови — его жизнь воссияла прежним светом через кровь Лауры. Он упивался ею, наслаждался, не позволяя пролиться ни единой капле, и только когда почувствовал, что все, хватит, с усилием оторвался от источника своей жизни.

От непреодолимой слабости Лаура пошатнулась, скользнула вдоль колонны и упала бы, если бы Эдгар не подхватил ее и не опустил на траву. Она лежала на мягком зеленом ковре, ночная роса холодила кожу, и над ней медленно вращался небосвод, закручивая звезды спиралью вокруг луны. Черемуха снегопадом сыпала на Лауру лепестки, они парили в лунном небе над ней, ядоносные и пахучие. Плавно кружились, и девушка видела каждый из них, неповторимо прекрасный в своем последнем танце. Ее душа тоже готовилась к таинству, дабы отлететь и освободиться от бренности мира.

Эдгар смотрел на Лауру, согретый ее жизнью, колеблясь и что-то решая. В мужчине неожиданно пробудились желания, которые не тревожили его более двухсот лет. Он ощутил потребность замкнуть круг, овладеть телом Лауры так же, как он вобрал в себя ее кровь, слиться с ней воедино. Хотя ему было страшновато коснуться ее сквозь прах мертвых веков, жажда обладания этой девушкой оказалась нестерпима. Эдгару захотелось попробовать ее, пока она еще человек. Он был бессилен противиться искушению и при этом не мог найти себе оправданий. Эдгар стоял над телом Лауры, полуобнаженным и соблазнительно доступным, и раздумывал. Его осенила спасительная мысль: все поврежденные ткани у вампиров восстанавливаются, и, если не сделать ничего до обращения, то вполне вероятно, что она останется девственницей навечно — и это станет проблемой для нее. Эдгар улыбнулся и опустился на колени рядом с Лаурой, не жалея своего светлого костюма. В конце концов, он брал все то, что искренне считал своим по праву.

Лаура ощутила его желание, почти осязаемое и настолько сильное, что ему было невозможно противостоять. Их словно укрыл непроницаемый полог ночной мглы, даже воздух вокруг стал плотным и зазвенел от напряжения. Лаура спокойно наблюдала из-под полуприкрытых век, как загадочный незнакомец стянул с нее трусики, развел ее ноги в стороны и согнул в коленях. От его прикосновений по коже бегали мурашки, и девушка почему-то не боялась Эдгара. Кровь связала их, и то, что происходило сейчас, казалось естественным и неизбежным. Когда он склонился над ней, его глаза были синее

неба, в них плескалась ночь. Эдгар ласково дотронулся до ее щеки, погладил другой рукой по оголенному бедру и произнес:

— Не бойся, тебе не будет больно.

Она зачарованно любовалась танцем лепестков черемухи и только немного поморщилась от давления на ее лоно. Он оказался прав: Лаура не почувствовала боли, даже когда он посильнее нажал. Вместо боли она уловила лишь отголоски, как от лопнувшей вдали струны. Эдгар начал двигаться внутри нее, преодолевая сопротивление упругой девственной плоти, перекраивая ее под себя. Глубокие толчки рождали в Лауре теплые волны, и эти приятные ощущения отзывались сладостной дрожью в теле. Она смежила веки и безмятежно качалась на этих волнах, ничему не удивляясь. Грань между сном и явью размылась, и Лаура с готовностью отдавалась прекрасному принцу. Только шею немного саднило, а от места укуса медленно разливался холод, подбираясь к сердцу. Этот контраст мороза по коже и приливов жара внутри придавал ощущениям особую остроту. Когда Лаура наконец посмотрела на Эдгара, она увидела, что его глаза стали черными — тьма расширившихся зрачков затмила синеву глаз и ясность разума.

Эдгар приподнял ее ноги, плотно прижал к своему телу и полностью соединился с ней, проникнув на предельную глубину. Два столетия меж ними схлопнулись, ночь взорвалась мириадами звезд, и Эдгар возжелал, чтобы это длилось бесконечно. Он застонал от наслаждения и удовлетворенно улыбнулся, когда девушка тоже издала слабый стон, по ее телу пробежала судорога. Лаура постигла таинство этого сакрального момента и была неописуемо прекрасна сейчас, накануне перерождения. Юная плоть и кровь Лауры опьяняли Эдгара, и он с глухим рычанием снова впился в ее шею. Она стала его добычей, долгожданной и вожделенной, и вампир был в миге от того, чтобы досуха выпить жизнь любимого существа. Луна над головой девушки померкла, словно выключили фонарь. Темные волны, на которых качалась Лаура, сомкнулись над ней, она камнем легла на дно колодца и утратила себя.

Эдгар мгновенно почувствовал, что теряет ее. Он встал рядом с Лаурой на колени, слушая ее пульс. И ощутил, как ускользает нить ее жизни — тоненькая и непрочная, она мог-

ла оборваться в любой миг. На лице Лауры стыла воздушная красота отлетающей души, предназначенная для небес. Эдгар достал нож и сделал аккуратный надрез на ее левом запястье, подобный оставил и на себе, а затем соединил их руки. Однако вены девушки плохо принимали его кровь. Он поднял голову к луне и увидел, как на ее мраморно-белой поверхности расплывается неясное пятно, очень похожее на кровавое, от чего сияние стало страдальчески розовым. Но лицо Лауры не порозовело даже под влиянием этого света.

Эдгара не устраивал такой исход, его захлестнула жалость. Нащупав слабый пульс на шее — к счастью, он еще не пропал, Эдгар осторожно завернул тело Лауры в свой плащ, принял в объятия и взмыл в безоблачную высь — туда, где находился замок. Он поклялся самому себе, что ни за что не позволит ей умереть, его бесценная Лаура будет жить любой ценой.

Глава 3

Когда Эдгар внес Лауру в замок на руках, он был близок к отчаянию. Она еще дышала, но Эдгар боялся, что не справится и не сможет вдохнуть в нее новую жизнь. Он изначально сделал все неверно: слишком быстро, не за три раза, как положено, а за один, понадеявшись на ее врожденный дар — вампирскую кровь. Не рассчитал свои силы, увлекся, был непростительно самоуверен. Поглотил слишком много крови, и вот теперь она умирала в его объятиях. Так досадно выжидать девятнадцать лет, чтобы все потерять за одну ночь. Эдгар положил Лауру на кровать и осторожно разрезал ей второе запястье, снова пытаясь передать свою кровь. Она впитывалась, но очень медленно, и по каплям вытекала обратно. Эдгар обреченно вздохнул: у него имелся запасной план, в котором, однако, не было ничего привлекательного, — Элеонора.

Эдгар знал, что все эти годы Элеонора не убивала. Раз в месяц, в полнолуние, ее муж Филипп, пользуясь служебными связями, переливал ей донорскую кровь, и Элеонора держалась. Она была слаба и не развивалась как вампир, но эта

выхолощенная кровь сохраняла в ней видимость жизни. Эдгар искренне недоумевал, зачем Филипп тратит столько усилий, чтобы оберегать пустую оболочку Элеоноры, да и вообще, зачем ему такая жена, красивая и не стареющая, но лишенная человечности. Сам Эдгар не представлял себя рядом со смертной женщиной — слишком велика была бы пропасть между ними. Именно потому он не медлил и сразу обратил Лауру, забрав на свою сторону реальности. Однако Филипп Уэйн двадцать лет провел в одной постели с вампиром, и, по всей видимости, ему это нравилось. Воистину, то была любовь, причины которой не требуют объяснений.

Эдгар подошел к большому старому зеркалу и окровавленной рукой дотронулся до него. Стекло затуманилось, и в глубине зеркальной глади возникла Элеонора. Он увидел ее в лондонской квартире, отдыхающей на кровати с книгой. Оторванная от взрослых дочерей, женщина явно наслаждалась уединением с Филиппом — предметом своего обожания и обладания. Но сейчас мужа не было дома.

Увидев, как поплыла поверхность ее большого зеркала, Элеонора в изумлении поднялась с кровати и подошла к нему. Она близоруко прищурилась — без притока живой крови зрение у нее снова ухудшилось — и рассмотрела знакомую комнату, в которой неоднократно бывала. Ее нелюбимая дочь лежала на кровати, бледная как мертвец. Эдгар вернулся к своей жертве и присел рядом, соединив порезы на их запястьях. Элеонора заметила ранки на шее дочери, оценила обстановку и удовлетворенно улыбнулась.

— Какая прелесть! — воскликнула она, привычно заломив руки в манере бывшей актрисы. — Значит, ты добился, чего хотел! Что ж, поздравляю! Будьте счастливы вместе!

Эдгар оглядел эту женщину: она была ему омерзительна, невзирая на их общую кровь, ее красоту и ухоженность. В ожидании мужа Элеонора облачилась в шелковую пижаму лилового цвета, который ей удивительно шел. Эдгар даже почти ощущал густой аромат сирени, исходящий от нее.

— Послушай, дорогая, — вкрадчиво начал он, — мне требуется твоя помощь. Видишь, твоя дочь умирает. Прошу тебя, отвори свои вены и дай ей немного крови.

Алый рот Элеоноры в негодовании округлился буквой «о», она подняла аккуратно выщипанные брови и торжествующе рассмеялась.

— Ах, значит, дорогая? Ну уж нет! Ты когда-то сказал мне, что придет время платить по счетам. Так вот, я думаю, что давно с тобой рассчиталась!

Эдгару потребовались все его силы, чтобы удерживать перед ней бесстрастное выражение лица.

— Каким образом? Ты дала мне обещание, что будешь заботиться о ней. Вместо этого была самой отвратительной матерью, которая встретилась мне за двести лет!

— И ты еще смеешь в чем-то упрекать меня?! — возмутилась Элеонора. — Я родила ее для тебя! Не бросила в Румынии, не выкинула на улицу. Я вырастила ее! Воспитала! Она жила на всем готовом, ни в чем не зная отказа. Ты ее хотел — ты ее заполучил! Теперь она всецело твоя забота, а меня оставь в покое!

— Ты лишила ее самого главного — материнской любви! Сделай для нее хоть что-то! Дай ей немного своей крови, просто порежь запястье. И все.

— Нет, я этого не сделаю, — злорадствовала Элеонора, — я не хочу.

— Как ты можешь быть такой бесчувственной? — не понимал Эдгар. — Она ведь твоя дочь!

— Она мне не дочь! — истерично закричала Элеонора, и ее красивое лицо безобразно исказилось. — Она чудовище! Ты навязал мне ее, и я жила рядом с ней как в аду. Я ненавижу ее! Даже не представляю, откуда она взялась. Я толком не помню, что произошло в этой комнате. Кто ее отец — Низамеддин или, может быть, ты?

От этих слов Эдгара передернуло.

— Не говори глупостей. Отец у нее может быть только один, и тебе это прекрасно известно.

Однако в пышной груди Элеоноры клокотала негасимая злость, и ничто не могло утолить ее жажду отмщения.

— Вы двое лишили меня всего! — кричала Элеонора. — Из-за вас я вынуждена влачить это жалкое существование без еды и сна! А она была живым напоминанием об этом кошмаре!

— В том, кем ты стала, моей вины нет, ты знаешь, — мягко возразил Эдгар, — не я обратил тебя. Я только помог, когда ты погибала и нуждалась в помощи.

— Ты сделал это не ради меня, а ради нее! — Руки Элеоноры взметнулись к вискам, а в желтых глазах заплясало безумие. — Ты получил свою плату. Вот и забирай ее со всеми потрохами, живую или мертвую!

Уговаривать Элеонору было бесполезно, даже если бы он стал умолять, она бы только еще больше позлорадствовала. Это была ее месть. А между тем кровь из запястий Лауры перестала сочиться, и пульс на шее уже не прощупывался. В распоряжении Эдгара оставалось всего несколько минут, пока ее мозг не умер, в противном случае он получил бы вурдалака безумнее Элеоноры.

Эдгар все же предпринял последнюю попытку.

— Тебе совсем не жаль ее?

— А тебе? Что-то я не вижу в тебе жалости к ней.

Ее бездушная сущность отталкивала, но Эдгар сознавал, что Элеонора права, и это бесило его еще больше. Он отпустил руку Лауры, подошел вплотную к зеркалу, столкнувшись с Элеонорой взглядами, и произнес:

— Возможно, но я люблю ее.

Элеонора поздно сообразила, что не следовало подпускать Эдгара близко — она полагала, что через тысячу километров он не сумеет добраться до нее. Она отступила на несколько шагов, схватила стул и замахнулась в яростном порыве разбить проклятое стекло, но опоздала. Пальцы у нее разжались, стул с грохотом упал на пол, а сама она рухнула на колени.

Эдгар стоял за границей миров, и сила вскипала в нем — свежая кровь Лауры придавала ему сверхъестественную мощь. Глаза потемнели, в них загорелся мрачный огонь. Он поднял руку, и пальцы его казались сплетением тьмы и пламени. Острый нож прилетел из кухни и упал перед Элеонорой. Она тихо вскрикнула, но уже не могла бороться с волей своего могущественного предка. В венах Элеоноры текла его кровь, и во власти Эдгара было ее притянуть. Пытаясь сопротивляться, женщина подняла нож, и ее рука дрожала, когда она подносила острие к левому запястью. Через силу Элеонора сдела-

ла глубокий надрез, а затем полоснула и по правой руке. Алые слезы хлынули у нее из глаз одновременно с кровью из вен. Крови было много — как раз днем, перед полнолунием, ей сделали донорское вливание. Элеонора бессильно опустилась на пол, кровь клубилась вокруг нее, как дым, испаряясь и преломляясь сквозь пространство. Через несколько минут от моря крови не осталась и следа, кроме багровых пятен на ее дорогой пижаме. Зеркальный портал насытился жизненной силой Элеоноры и растаял, вычерпав ее до дна.

Женщина лежала в изломанной позе, ее белая плоть высохла, в лице не осталось ни кровинки, а в глазах потух свет. Нет, она не превратилась в старуху, но когда все же нашла в себе силы повернуться к зеркалу, увидела, что наконец выглядит на свой возраст. Такой ее обнаружил Филипп — распростертой на липком полу, сломленной и постаревшей. Он в ужасе опустился на колени и склонился над женой:

— Что случилось, Элси?

— Вот и все, дорогой, — выдохнула Элеонора и дотронулась до его лица обескровленной рукой, — все кончено.

А тем временем в далекой Румынии Эдгар так же стоял на коленях перед кроватью, где лежала Лаура в светлом ореоле окровавленной невинности. Раны на ее запястьях затянулись, и шрамы стали как будто отполированными. Эдгар с облегчением прижал ее руки к губам и произнес, как заклинание:

— Во имя нашей общей крови, скрепленной веками, что связала и разъединила нас во времени! Во имя всей пролитой крови, что теперь иссушена и забыта, которой ты питалась в материнской утробе! Во имя твоей собственной крови, что сейчас поддерживает мою жизнь! Воскреси в себе жажду жизни, чтобы восполнить ее свежей кровью! Живи, Лорелия-Вирджиния!

Дальнейшая судьба Элеоноры Эдгара не заботила — он не был уверен, что та умрет, но видел, что жертва принесена не напрасно. Эдгар, пожалуй, с радостью избавился бы от нее, уж слишком она утомительна. Он брезгливо поморщился, отгоняя воспоминание об Элеоноре, и обратил все свое внимание на ее дочь.

Эдгар приготовил ванну, раздел Лауру и погрузил в воду обнаженное тело. Она выглядела мертвой, бледная и холодная как мрамор. Эдгар аккуратно смыл запах костра с ее волос и следы крови с бедер. Обрядил Лауру в белое атласное платье, расчесал ее длинные волосы и уложил на кровать. До утра он сидел в кресле и не сводил с нее взора, опасаясь пропустить малейшее изменение в чертах.

Когда небо за окном начало светлеть, Эдгар осторожно прилег рядом, оберегая ее покой. Заря погрузила его в оцепенение, на несколько часов превратила в мертвеца, такого же, каким сейчас являлась Лаура. Когда же солнце взошло и убийственный рассвет отступил, вампир пробудился ото сна и продолжил следить за состоянием любимой. Она была первой жертвой, обращенной им, и Эдгар переживал, удалось ли ему осуществить свою мечту, не уничтожил ли он ее душу. Последующий день прошел в томительном ожидании воскрешения, пока Лаура неподвижно лежала в саване сна.

Стемнело, и в комнату через готическое окно вошла луна. Она залила стены рассеянным серебристым светом, добралась до кровати, где покоилась Лаура, и тронула ее сомкнутые веки. Девушка шевельнулась и судорожно поднялась, как манекен. Эдгар сидел на краю постели и смотрел на Лауру томным взглядом, мерцающим в полумраке, но в нем уже не отражалась страсть — она была утолена. Затем он подался вперед, очутился в полосе лунного света и медленно повернул к Лауре свое красивое лицо — сначала в профиль, потом вполоборота и, наконец, в анфас, давая возможность рассмотреть его. Эдгар должен был проверить, что осталось от ее личности после долгих минут пребывания за гранью смерти.

— Попробуй встать, — без предисловий велел он.

Лаура попыталась, но ей это не удалось — она свесила ноги с кровати и выжидающе посмотрела на Эдгара пустыми глазами.

— Хорошо, — печально вздохнул он. — А теперь постарайся дотронуться до кончика носа. Одной рукой и другой.

Лаура выполнила его приказание, а затем рывком встала на ноги. Она ощущала странную скованность во всем теле, невесомую слабость и какую-то затуманенность сознания, как во

сне. Голова закружилась, живот скрутило болезненным спазмом, и девушка зажала руками рот, беспомощно глядя на Эдгара. Он все понял и показал:

— Ванная там.

Лаура вбежала туда на негнущихся ногах, захлопнула за собой дверь, и ее вырвало всем съеденным и выпитым накануне. Какое-то время она стояла на коленях, опустошенная, прижавшись лбом к холодному краю ванны, и постепенно к ней возвратилась ясность разума. К ее удивлению, в замке помимо ванной оказался водопровод и даже раковина с краном. Лаура умылась, прополоскала рот и вернулась в спальню со словами:

— Какой явственный сон.

— Быть может, потому, что это и не сон вовсе? — ответил Эдгар и с облегчением улыбнулся. — С пробуждением, Белоснежка.

Лаура медленно оглядела замковую комнату с камином, большую кровать с резными столбиками, стрельчатое окно и самого Эдгара в призрачном свете луны. Сегодня он облачился во все черное: старинный шелковый камзол из прошлых веков, и даже рубашка с пышным жабо была черная.

— Я бывала здесь раньше, — задумчиво проронила Лаура.

— Да, только во сне. Теперь ты вступила в вечность, прелесть моя. Ты больше не человек.

— Как это? — глупо спросила она.

— Ты мертвая, разве не чувствуешь?

Эдгар сел рядом, взял ее руку и повернул ладонью вверх. Рука Лауры казалась неживой, вены не отливали оттенками синего и зеленого, а были полыми. Запястье пересекала аккуратная ниточка шрама.

— Отныне все жизненные силы у тебя — заемные, — пояснил Эдгар. — Ты не будешь стареть и никогда не умрешь. Точнее, убить тебя можно, но это очень непросто. Ты вампир, душа моя.

Она поверила Эдгару сразу и безоговорочно, возможно, потому, что он исподволь готовил к этому Лауру всю ее короткую жизнь.

— Что же мне теперь делать? — пробормотала девушка

в растерянности, чувствуя свое бессилие и абсолютную безысходность ситуации, в которой оказалась.

Эдгар пожал ее холодные пальцы, в глазах его призывно засиял свет луны, а по губам скользнула улыбка падшего ангела, манящего в бездны запретных наслаждений.

— Следуй за мной и слушайся во всем, Лаура, — изрек он повелительным и в то же время завораживающим голосом. — Я позабочусь о тебе и подарю целый мир. Ты станешь сильной, неуязвимой и никогда больше не почувствуешь боли. Никто на этом свете не сравнится с тобой. Тебе понравится, обещаю. Я научу тебя жить, покажу настоящую жизнь.

В тот момент Лаура не могла и не хотела противиться многообещающему очарованию Эдгара. Она находилась полностью под его влиянием, словно пребывая в дурманном сне, и в душе не шевельнулось даже намека на протест. Непривычное европейское звучание ее имени, с ударением на первый слог, смутно отозвалось в памяти Лауры. Она точно слышала, как он звал ее этим именем, но не могла вспомнить, когда это было.

— Мне нравится, как ты меня называешь, — сказала она Эдгару, когда он вел ее за руку по коридору, и сумрачно улыбнулась, — по-моему, это красиво.

Они вышли из замка на край скалы, где была выложена камнями смотровая площадка, которая наверняка понравилась бы туристам. Внизу простиралось озеро, над ним клубился густой туман, а чуть в стороне белел силуэт «Магдалы».

Лаура, осознав намерения Эдгара, пугливо попятилась от края.

— Подожди, я боюсь высоты.

— Отныне и вовек ты не должна ничего бояться, — ласково возразил ей Эдгар. — Со временем ты сможешь сама подниматься в воздух и даже летать, когда захочешь. Если боишься, закрой глаза. У нас слишком мало времени, чтобы ходить пешком.

Лаура зажмурилась, обняла его за шею, и их ноги оторвались от земли. Эдгар крепко держал свою ношу, его руки источали тепло, а от камзола веяло изысканным, чуть старомодным ароматом жасмина. Близость Эдгара волновала Ла-

уру, она положила голову ему на плечо и поневоле доверилась своему учителю. Постепенно тело расслабилось в его надежных объятиях, и Лаура осмелилась открыть глаза. Ощущение полета поневоле захватило ее, стоило лишь забыть, что под ногами пустота. Полная луна сияла над ними, а внизу серебрилось озеро, на глади которого сквозь туман Лаура различила белые лилии и желтые кувшинки — ее зрение стало острее.

Наконец они мягко опустились на траву во дворе «Магдалы», где все осталось неизменным: так же цвела черемуха, трепетали занавески, и дверь в комнату Лауры была попрежнему заперта изнутри. За минувший день девушки даже не хватились.

— Мне снова придется лезть через подоконник? — наивно спросила она и покосилась на окна.

— Не сейчас, — ответил Эдгар, — нам наверх.

В комнату Лауры был отдельный вход, а в две верхние вела неосвещенная лестница. Они бесшумно поднялись на третий этаж и вошли в комнату Мариэдит. Та спала на боку, повернувшись лицом к двери, темные волосы рассыпались по белой подушке. Эдгар неслышным шагом приблизился к ней, нажал на сонную артерию на шее и обернулся к Лауре.

— А вот теперь мы подошли к главному, моя дорогая. Тебе придется умертвить эту девушку, вобрать в себя ее жизнь. Выпей ее кровь, не всю — столько нам не требуется. Ты почувствуешь, когда сердце жертвы начнет останавливаться, тогда прекращай. Не волнуйся, она не проснется.

Мысль о том, что ей придется подойти к Мариэдит и выпить кровь девушки, не сделавшей ей ничего плохого, такой же, как она сама, показалась Лауре невыносимой.

— Нет, я не смогу, — прошептала она, вжавшись в стену и в ужасе переводя взгляд с Мариэдит на Эдгара, — я никогда не смогу этого сделать.

Лаура слышала ритмичное биение крови в теле Мариэдит, и это разжигало в ней жгучую, нестерпимую жажду. Грудь судорожно вздымалась, сердце билось болезненными толчками и чуть не выпрыгивало через горло. Видя ее колебания, Эдгар подошел к Лауре и порывисто сжал бескровные руки.

— Послушай меня. Если ты не сделаешь этого, наутро умрешь. Сейчас ты чиста, как пустой сосуд, это наполнит тебя новой жизнью. К утру силы иссякнут, и ты станешь холодным трупом. Ты можешь точно так же умереть и не проснуться.

Лаура попыталась заплакать, но слез у нее не было ни капли, вместо этого пришлось отчаянно замотать головой.

— Нет, ни за что! Я не могу! Пожалуйста, не заставляй меня!

— Хорошо, — зловеще проговорил Эдгар.

Он отвернулся и снова подошел к кровати, извлек нож и молниеносно сделал небольшой надрез на шее Мариэдит. Лаура тихо вскрикнула, но не смогла отвести взгляда. А Эдгар припал к ране, затем развернулся и резко схватил Лауру, впечатав в стену. Она не сразу разгадала его замысел, когда он прижался к ней всем телом и впился в уста. Губы Эдгара были бархатисто мягкими, но неумолимыми. Лаура почувствовала себя беспомощной, связанной темнотой его близости, и принялась вырываться изо всех своих слабых сил, но было поздно. В растерянности девушка приоткрыла рот и вкусила крови в этом поцелуе, обволакивающем, как тягучий мед. Теплая кровь хлынула из уст Эдгара в горло Лауры, пьяняще сладкая и живительная, она обжигала, лишая возможности дышать. Эдгар продолжал целовать ее властно и безжалостно, подчиняя своей воле. Дыхание прервалось, и Лауре показалось, что она умирает, неуклонно соскальзывает в кровавую бездну, а ее душу засасывает непроглядный мрак. Не таким она представляла свой первый поцелуй, однако он произвел магическое действие, на что и рассчитывал Эдгар. Он отпустил Лауру и безучастно сел в кресло, сливаясь с тьмой. И наблюдал за ее терзаниями с отстраненным любопытством, как будто смотрел интересный фильм с предсказуемым финалом.

Ноги у Лауры подкосились, она обессиленно сползла вдоль стены и скорчилась на полу, зажав рот ладошкой. Маленький надрез на шее у Мариэдит манил алой улыбкой, и Лаура не смогла устоять. Бесплодная борьба девушки с новообретенной сущностью продолжалась всего несколько минут. Лаура почувствовала, как кровь проникла в нее, захватила все существо, и ей не хотелось терять это сладостное ощущение. Вкусив

эликсира жизни, Лаура уже не могла остановиться и кинулась к кровати.

Тела двух девушек переплелись, их волосы, темные и светлые, спутались. Лаура с наслаждением тянула кровь из раны, ощущая, как наполняются ее собственные вены, как все быстрее бежит по ним животворящая влага. Почувствовав, как прерывается сердцебиение жертвы, Лаура отпрянула к противоположной стене, глядя на умирающую расширенными зрачками. И удивилась: рана на шее у Мариэдит стала практически незаметной, как простая царапина.

Безмолвный зритель с явным облегчением улыбнулся, подошел к Лауре и обнял.

— Вот и все, — прошептал он, успокаивающе гладя ее по спине, — это ведь просто, не правда ли? Теперь у нас все будет хорошо, моя храбрая девочка. Ты не виновата. Не пытайся сейчас что-то решить и предугадать. Бесполезно стремиться к раскаянию. Твоей вины, Лаура, нет даже в том, что ты появилась на свет.

Она на миг затихла в его убаюкивающих объятиях и обреченно спросила:

— И что теперь?

— Нужно избавиться от тела. Проще всего — изобразить самоубийство. Допустим, она выпала из окна. Тут невысоко, но можно упасть неудачно. А потом ты должна спуститься к людям — да, тебе придется сосуществовать с ними. Я не прошу, чтобы ты вызывала их любовь. Ты просто появишься внизу и смешаешься с толпой. Необходимо, чтобы тебя видели.

Эдгар приблизился к телу Мариэдит и точным движением свернул ей шею. Затем открыл окно, подхватил бездыханное тело и перекинул через подоконник. Раздался глухой звук удара о камни, которыми был вымощен двор.

Лаура застыла у стены и взирала на происходящее в неизъяснимом ужасе. А Эдгар обернулся к ней и спокойно сказал:

— Подожди, у тебя на платье кровь. Черт меня надоумил надеть на тебя белое. Не стоило так точно следовать романтическим канонам. Вот, возьми.

Он снял черный камзол и накинул ей на плечи, мимоходом обняв Лауру, но та отшатнулась.

— Не подходи ко мне! — воскликнула она свистящим шепотом.

Девушка вырвалась из шелкового обруча его рук и бросилась вниз по лестнице. Пролитая кровь гнетущей тяжестью тянула вниз, пока Лаура преодолевала ступеньку за ступенькой, наступая на свое длинное платье. Ей казалось, что она спускается слишком медленно и не успеет. Груз вины давил на плечи и сжимал виски железным обручем. Лаура даже не могла связно рассуждать.

Она оказалась во дворе одной из первых. Тело Мариэдит лежало в лунном луче, как под светом прожектора. Кудрявые черные волосы закрывали ей лицо и царапину на шее, что делало мертвую безликой, хотя Мариэдит с ужасом узнали все. Здание «Магдалы» пробудилось, из дома начали выбегать испуганные девушки. Вокруг Лауры смыкался лес живых тел, их лица неузнаваемо перетекали одно в другое, слышались голоса, всхлипы, чьи-то истерические рыдания. На Лауру никто не обращал внимания. Она потерянно стояла за спинами других, глядя на убитую, которая вдруг вступила с ней в тайный, немой диалог.

— Ты мертвее меня, — передалась Лауре через кровь чужая мысль, — ты сама губишь себя. Сознательно становишься жертвой, и твоя жертва будет нескончаема. И безнадежна в своем стремлении обрести тепло и любовь. Ты умерла, но не можешь уйти за пределы этого мира. И да, это сделала ты, а не он.

Наконец полицейские унесли тело, а шокированных участников экспедиции разогнали по комнатам. Лаура побрела к себе, и вездесущий лунный свет замедлял ее движения, как вода. Забыв о том, что дверь в комнату заперта изнутри, девушка машинально дернула за ручку. Дверь распахнулась, Лаура вошла и с недоумением уставилась на вырванную щеколду. Тут она поняла, насколько устала от нескончаемого кошмара этой ночи. Кожа зудела, как будто под ней ползали пауки, а скользкое атласное платье путалось в ногах. Лауре хотелось содрать с себя эту одежду с пятнами чужой крови, снять вместе с кожей и воспоминаниями. Она сбросила камзол Эдгара на стул, сорвала платье и забралась под душ, закрыв глаза

и свернувшись калачиком. Горячая вода обжигала, но Лаура не чувствовала этого, ее тело содрогалось от могильного холода. Казалось, что она не отмоется никогда. Просидев так не менее часа, девушка наконец нашла в себе силы подняться на ноги и выключить воду.

Наступал рассвет. Еле успев добраться до кровати, Лаура упала на нее — больно кольнуло в шею, и свет в глазах потух, как будто щелкнули выключателем.

Глава 4

Спала Лаура недолго. Когда она открыла глаза, ее волосы еще оставались влажными после душа. Солнечные зайчики плясали на стенах комнаты, золотистые лучи расчерчивали пол. Она потянулась, разминая окоченевшее тело, и кровь быстрее побежала по венам. Первое, что попалось ей на глаза, — черный камзол, брошенный на стул.

Так трудно поверить в реальность происходящего. Незнакомые места, готический замок, да и сам Эдгар напоминали Лауре декорации жуткого, но безумно красивого фильма. Однако при свете утра все сделалось куда более простым и ясным, чем мнилось во мраке минувшей ночи. Украденная кровь текла в ней, Лаура ощущала себя живой, и настроение у нее заметно улучшилось. Она была молода, и умирать ей вовсе не хотелось. Более того, Лауре казалось, что все свои девятнадцать лет она провела во сне, бесцельно и уныло. Она вдруг почувствовала себя избранной, не такой, как все, хотя в полной мере не осознавала своего бессмертия. История Золушки знакома каждой девушке, и многие мечтают о прекрасном принце, который одним мановением руки превратит их бессмысленную жизнь в сказку. Такой принц неожиданно воплотился из сновидений Лауры, и он обещал положить к ее ногам весь мир.

Она взяла камзол и забралась обратно в кровать. От гладкой блестящей ткани исходил слабый аромат жасмина. Лаура испытывала к Эдгару неоднозначные чувства. Она успела убе-

диться, что он не сон и существует наяву. Девушка побаивалась вампира, но ее неудержимо влекло к нему, одолевало детское любопытство и желание разгадать его тайну. К тому же Лаура понимала, что без Эдгара не сумеет разобраться в своем нынешнем состоянии, у нее просто не было выхода. Погладив атласную ткань камзола, она случайно нащупала листок бумаги. Это оказалась записка, набросанная изящным витиеватым почерком, каким уже не пишут в наши дни.

«Доброе утро, Лаура, — говорилось там. — Что бы ни случилось, буду ждать тебя в яблоневом саду, когда рассветет. И не бойся солнца после восхода. Эдгар».

Лаура заметалась по комнате, стараясь как можно скорее собраться. Ей не терпелось увидеть Эдгара. Она устремилась в ванную, чтобы умыть лицо и почистить зубы, и тут же застыла, посмотрев в глаза своему отражению. Гляделась в зеркало и не узнавала себя: лицо определенно было ее, но при этом какое-то незнакомое. Брови и ресницы по-прежнему оставались светлыми, но Лауре как будто добавили красок. То, что раньше было неброским, акварельным, сейчас приобрело яркость и выразительность: в глазах появилась головокружительная небесная синева, губы стали коралловыми и сочными, а фарфоровая кожа засветилась изнутри. Девушка поняла природу потусторонней красоты Эдгара, у которой была столь высокая цена. Лаура поспешно расчесала волосы, надела первое, что попалось в шкафу, сунула ноги в шлепанцы и выбежала во двор.

Она не привыкла вставать так рано — был только седьмой час утра, и все в «Магдале» еще спали после ужасной ночи. Солнечное сияние внезапно обрушилось на девушку, окружило непроходимой золотой стеной, и она на миг ослепла. Лаура невольно вскинула глаза на солнце, проглядывающее сквозь листву черемухи. Оно, как всегда, переливалось негасимым пламенем, и смотреть на него без темных очков было невозможно. Зрачки Лауры расширились, и она, не в силах отвести взгляд от солнца, вдруг стала различать на нем пятна, будто бы смотрела сквозь закопченное стекло. Это меркнущее светило внушало ей страх. Лаура с усилием проморгалась и побежала в сад, желая скрыться в тени деревьев.

Сад звенел голосами утренних птиц, цветущие яблони стояли как невесты, окутанные розоватой дымкой, сквозь их ветви щедро лились потоки солнечных лучей. Эдгар сидел на траве в картинной позе, до странности реальный, и не таял в свете дня. Он не был похож на привидение, а скорее напоминал кота, вальяжно греющегося на солнышке. Его длинные золотистые волосы искрились, белоснежная рубашка подчеркивала бледность кожи, а кобальтово-синие глаза почти не пропускали света, что делало их цвет приглушенным на солнце и насыщенным в тени.

Эдгар беззастенчиво окинул девушку взглядом снизу вверх, и его брови едва заметно вздернулись. Лаура словно увидела себя со стороны: растрепанная, в тесной майке и джинсовых шортах, обрезанных до самых бедер, в пляжных тапочках — выглядела она как девчонка-подросток. Ноги у нее были незагорелые, бледные до синевы. Лучше бы она надела то длинное белое платье со следами крови!

Элегантным жестом, отточенным за века, Эдгар пригласил ее сесть.

— Присаживайся, милая, побеседуем!

Лаура опустилась рядом на траву и подтянула к себе ноги, неловко обхватив руками колени. Эдгар ласково погладил ее по открытому плечу, оно слегка вздрагивало.

— Прости, я был жесток с тобой вчера. Но у меня не оставалось другого выхода. Я должен был заставить тебя это сделать любой ценой. Однажды я уже допустил роковую ошибку, не довел дело до конца. И моя дочь умерла.

— У тебя была дочь? — несказанно изумилась Лаура.

— Да. — В глазах Эдгара промелькнула едва уловимая тень. — Это было очень давно.

— Сколько же тебе лет?

— Мне двести сорок восемь лет от рождения, если быть точным. И двести шестнадцать я существую как вампир.

— Обалдеть можно! В это трудно поверить, — потрясенно выговорила Лаура и задала извечный вопрос: — Почему ты выбрал меня? Что во мне такого особенного?

— Ты мой потомок по прямой линии, — объяснил Эдгар, он ждал этого вопроса, — моя прапраправнучка в десятом

поколении. Элеонора была девятая. Ты десятая. Глаза у тебя сейчас такие, как будто ты проглотила луну.

Лаура зачарованно слушала, не отрывая от него взгляда, и то, что он рассказывал, не укладывалось у нее в голове. Немыслимо! Известие о родстве ошеломило Лауру, но где-то на уровне подсознания она ощущала их кровную связь. Однако ее не покидало чувство: Эдгар чего-то недоговаривает, все гораздо сложнее. И она должна развеять свои подозрения, выяснить, кто ее настоящий отец.

— Это не единственная причина, по которой я тебя избрал, — продолжал Эдгар. — Твоя мать была вампиром, когда родила тебя. Ты можешь стать очень сильной, Лаура, если, конечно, захочешь. В тебе превосходные задатки — столько кровей намешано.

Страшная догадка вдруг поразила Лауру, и она осмелилась спросить:

— Если моя мать была вампиром, то кто мой отец? Я должна знать правду! Неужели это ты?

— Нет, моя прелесть, — весело рассмеялся Эдгар. — Я не твой отец, и у меня ничего не было с твоей матерью. Твой отец — Филипп Уэйн. Тебя зачали во время перерождения Элеоноры, она и сама не подозревала о зародыше, который рос внутри нее. Мой невольный создатель, Низамеддин, обратил ее, не зная этого. Беременных женщин нельзя убивать и превращать в вампиров — таков неписаный закон. Так уж совпало, что через девять месяцев Элеонора убила своего создателя, выпила его кровь, которая оказалась слишком сильна для нее. Я спас ее и перелил свою кровь. Светлые волосы и голубые глаза — это у тебя от меня, влияние моей крови, хотя я не твой отец. Беременность не замерла, а стала стремительно развиваться, и всего через три дня, в полнолуние, на свет появилась ты. И как думаешь, чем ты питалась все эти девять месяцев в материнском чреве?

— Кровью, — одними губами прошептала Лаура.

Эдгар вдруг заметно помрачнел.

— Я должен сказать тебе кое-что неприятное. Ты никогда не сможешь иметь детей. Мертвая плоть не способна воспроизвести живую. Это жертва, которую мы приносим в уплату

вечности. Ты никогда не мечтала о детях, потому что не создана для материнства. И приобрела гораздо больше.

— Я как-то не задумывалась об этом... — растерянно обронила Лаура. — Но как тогда я родилась у Элеоноры уже после ее смерти?

— Ты исключение и этим уникальна, — ответил Эдгар и нежно коснулся ее верхней губы, обрисовав красивый изгиб. — В твоем сердце кровь трех вампиров: Элеоноры, Низамеддина и моя. Ты родилась только благодаря мне. Следовательно, твоя жизнь принадлежит мне. Все очень просто: тебе на роду написано стать вампиром, Лаура, и никогда у тебя не было другой судьбы, как и выбора. Отныне твое место — рядом со мной. Ты стала моей вечной спутницей, и обратного пути нет. Это навсегда. Твоя жизнь теперь неподвластна времени, она зависит лишь от меня. Чем быстрее осознаешь и примешь этот факт, тем лучше для тебя. Это я извлек тебя из утробы матери. Я дал тебе имя — Лорелия-Вирджиния. Знаю, что твой любимый цвет — голубой. Ты плохо плаваешь, хотя выросла возле океана. Боишься высоты, но любишь грозу. Я знаю о тебе все.

Лаура не сводила с Эдгара глаз, не в силах осознать непостижимую правду, которая содержалась в его словах. Смириться с тем, что жизнь ей не принадлежит, было сложно, еще сложнее оказалось ощутить себя игрушкой, безвольной куклой.

— Ты должна еще кое-что узнать. Твои родители мертвы, — доложил Эдгар, глядя в даль, словно прозревая сквозь время и пространство. — Он дал ей свою кровь, но этого оказалось недостаточно.

— Боже мой! — в отчаянии всплеснула руками Лаура. — Бедная Джемайма! Она так любила отца!

— Вот еще что, — предупредил Эдгар. — Сестра наверняка будет тебе звонить, звать вернуться. Ни в коем случае не соглашайся. Тебе не следует видеться с ней по крайней мере пару месяцев, если ты дорожишь ее жизнью. Ты пока не умеешь контролировать себя, а наша тяга к родной крови бывает очень сильна.

— Но бросить ее в такой момент — предательство, — засомневалась Лаура.